

ОПЯ ОСИПОВА

а н д е р

к а в е р

Оля Осипова

АНДЕРКАВЕР

Независимое литературное объединение
«Пальма»

О. Осипова.

**Андеркавер: роман / О. Осипова. — Самиздат,
2025. — Карагуататуба, Бразилия.**

ISBN 978-65-01-69699-7

Олина мама больше всего на свете хочет встретить любовь. Об этом же мечтает и сама Оля, хоть и не совсем понимает, что это значит. Для неё вообще весь мир написан шифром, разгадать который в одиночку очень сложно. Поэтому Оля ищет ответы в новых дружбах, видеоиграх, книгах, мультфильмах, подслушанных взрослых разговорах и даже переписках с незнакомцами. Какие открытия её ждут? И существует ли идеальная пара для Оли и её мамы?

Редакторка: Екатерина Ненахова

Дизайн обложки: Анна Крылова

Иллюстраторка: Анна Крылова

Вёрстка: Нутелла Крипивина

© Оля Осипова, 2025

Моей жене Кате Ненаховой

*Ты не хороший и не плохой.
Ты видишь и слышишь всё и никому не веришь,
Потому что ты
Под прикрытием*

Заставка игры Need For Speed: Undercover

ГЛАВА 1

Мама накрашила губы и брови, прилизала короткие рыжие волосы и встала на фоне обоев с огромными наклейками в виде маков. Они должны были разбавлять бежево-оранжевый интерьер. Мама была в коротком свободном чёрном платье, которое скрывало отсутствие попы и наличие живота, и высоченных серых велюровых сапогах. Я дважды сфотографировала её на мыльницу — получилось так, что ноги у неё очень длинные, а крошечная голова сливается с обоями — и помогла перенести фотографии на компьютер.

Мы начали регистрировать маму в Знакомствах@Mail.ru.

Пол: *женский*

Имя: *Светлана*

Год рождения: *на 10 лет позже, чем на самом деле*

Ищу: *серьезные отношения? Нет! Нет, нет, нет.*

Ищу: *решу, когда встречу*

Открылись мужские профили.

Мама показала на Геннадия, и я кликнула на его фотографию. Когда она увеличилась, мы поняли, что он пожарный. Я подумала про охотников за привидениями. Ещё наверняка у него есть шрамы — прямо как у меня и мамы. Я сказала, что хочу, чтобы он стал маминым мужем. Мама захихикала и попросила меня *побежать отседова, дальше она сама*.

Я ушла в свою комнату, легла на диван и стала смотреть, как качаются на фоне серого неба верхушки деревьев. Каждый август я следила за тем, догадается ли небо, что близится сентябрь, или нет.

Вот бы мама встретила любовь и у меня появился папа. Папа-пожарный.

Мой реальный папа был дальнобойщиком. Это стыдная профессия. Никто ничего хорошего про дальнобойщиков никогда не говорил. Несколько недель назад папа зашёл к нам домой пьяный, чтобы увезти меня на свадьбу моей сводной сестры, которую я никогда не видела.

Он зашёл и сказал: *Каля-маля, надевай колготки*. Мама выпучила глаза и крикнула: *Оля, не вздумай надевать колготки*. Я села на стул, не понимая, что мне делать, потому что колготки я надевать не хотела, а с папой поехать хотела. В этот момент он взял маму за шею, с силой прислонил к стене и что-то заговорил ей в ухо. Я услышала только слово *дура*. После этого он царапнул мою щеку щетиной и сильно хлопнул дверью. Я подошла к маме и обняла её. Как только я до неё дотронулась, она сразу же расплакалась.

О моем желании, чтобы мама поскорее встретила достойного мужчину, в идеале пожарного, я не рассказывала никому, даже Лизе. Это был мой секрет.

ГЛАВА 2

С Лизой мы познакомились в детском лагере, на самой первой смене в моей жизни. Это было чуть больше года назад.

Она сидела на подоконнике в нашей палате — в лагере так назывались комнаты — и расчёсывала длинные чёрные волосы. Потом она заплела их в толстую косу и надела голубую резинку как ободок. Резинка накрыла волосы у лица, словно на высокой траве расстелили плед. Я выбрала кровать через одну от Лизы. Ложиться вплотную было слишком навязчиво.

Из пустой тумбочки пахло пастой. Я положила туда книгу и альбом для рисования. Мама с папой слишком быстро уехали. Подружку, с которой мы договорились всю смену провести вместе, определили к более старшим ребятам, потому что ей уже стукнуло десять. Остальных, то есть девятилеток и восьмилеток, вожатые выстроили у корпуса, чтобы объявить им название отряда. Я покраснела от детскости имени, под которым нас теперь будут знать.

Но посмотрела на остальных, особенно на мальчиков, и поняла, что так мы на самом деле и называемся. Мы строем сходили пообедать. Многих лагерная еда разочаровала. Поэтому на тихом часу ребята достали из-под кроватей огромные пакеты, набитые чипсами и сухариками, и лежа на спине молча поели ещё раз.

Вечером я залезла в постель и повернулась в сторону Лизы. Она прятала под одеялом нижнюю часть лица, но я сразу поняла, что она улыбается. Я тоже спустилась поглубже под одеяло и улыбнулась. Кровать между нами так никто и не занял.

В нашем корпусе был DVD-плеер и всего один диск — с первым сезоном мультфильма *Чародейки*. Мы садились на стулья в коридоре, включали пузатый телевизор и всем отрядом смотрели одну и ту же серию каждый день. Первые две ночи я плакала от отбоя до рассвета. Я скучала по маме. А на третий день мы — я, Лиза, девочка с глистами, Настя из Венёва и Николь, которую все называли *квас Никола*, — собрались на незанятой кровати, чтобы решить, кто будет Вилл, Корнелией, Тарани, Ирмой и Хай Лин. Мне досталась Корнелия, ведьма земли. Лиза

нарисовала мне на руке зелёный круг, а посередине — точку. *Твоим знаком будет сиська.* Мы играли всего один день, но я навсегда запомнила её — игру, когда мне досталась героиня с длинными волосами и без очков.

Моя подружка, которую определили к взрослым, была намного выше меня. Я и среди ровесников была самой маленькой: когда на физкультуре нас выстраивали по росту, слева от меня никогда никто не стоял. А она не только была на год старше — у неё еще и ноги были в два раза длиннее, чем у обычной девочки. Голова не поспевала за коленками, поэтому подруга напоминала ходячую запятую.

Наши отношения не выдержали неравенства. Она болтала перед отбоем про месячные и поцелуи взапас, а в нашем отряде мы всё ещё верили в Белую Гниду — лохматое чудовище, которое ест тех, кто сбегает из отряда ночью.

С Лизой мы были почти одного роста. Мама на родительском дне сказала, что смотрела нам вслед — *и мы были одинаково ровненькие.* Так она одобрила нашу дружбу.

В этот же день мы с Лизой прогуливали пятое питание на футбольном поле и слушали через динамик песню *Nikita — Жизнь*. Начиналась она словами *самоуничтожение через три минуты*, затем по сюжету девушка *видела белый свет и кровь на руке*, а заканчивался трек молитвой *Отче наш*. Лиза рассказала мне по секрету, что боится ходить в биотуалет ночью. Я ответила, что тоже боюсь, поэтому терплю. Но она не могла сдерживаться. Каждую ночь Лиза скидывала на пол покрывало и писала на него. Так она мне сказала.

Когда мы вернулись в палату, я долго принюхивалась в сторону аккуратно сложенного покрывала в ногах у Лизы, но не почувствовала запаха. Тогда я подумала, что хочу дружить с Лизой вечно.

Она знала, что на пятое питание можно не ходить, потому что вожатые всё равно приносили вафли в отряд. Когда её заставили пробежать пятьдесят метров, а она боялась опозориться, Лиза вышла на дорожку в резиновых сапогах. Она была такой быстрой, что даже в них прибежала вторая.

Никому уже не было дела до победителя. Лиза была самой крутой девчонкой отряда.

В день заезда она надела голубые спортивные штаны. Потом подруга рассказала, что других штанов ей мама не положила. Мы пошли к стойке с чемоданами, спустили мою сумку на пол, и на нас пахнуло из моего пакета с грязными трусами и носками. Я предложила Лизе взять из моих вещей все, что она захочет. Из низов у меня были только шорты, но она от них отказалась. Не хотела никому показывать длинные черные волосы на ногах. Моя мама не разрешала носить штаны летом, поэтому и не положила мне ничего ниже колена. Лиза разозлилась, попросила посмотреть получше. Мне показалось, она подумала, что выбрала неправильную подругу. Меня раздражал Лизин стыд за волосатые ноги, я считала, что она сама себе мешает жить. Руки у неё тоже были волосатые, и она почти никогда не снимала олимпийку или водолазку — даже в плюс тридцать. Разве это жизнь? Я начала говорить словами своей мамы. Тогда Лиза стала ходить с девочкой с глистами.

Я осталась одна. Она всё равно поглядывала на меня, как тогда — из-под одеяла. Как будто проверяла мою преданность. А потом заболела и уехала лечиться домой. Я снова плакала всю ночь от отбоя до рассвета, а после завтрака попросила маму забрать меня из лагеря с концами.

Дома мне нравилось представлять, как Лиза вернулась после болезни с желанием смириться надо мной, но никого не обнаружила. Мы не обменялись номерами телефонов, я не знала, где она живёт. Я не была уверена, правда ли она хотела помириться. Может, она даже не заметила, что меня больше нет.

ГЛАВА 3

Кухня была маминым кабинетом. К ней ходили на маникюр, педикюр и наращивание. Я делала объявления для мамы и развешивала по городу, потому что нам нужны были деньги на ремонт. Когда мы переехали в эту квартиру, у нас не было даже кровати: только голые обшарпанные стены и страшные двери, обклеенные ПВХ-пленкой. Я представляла, что каждая клиентка оставляет после себя не деньги, а *изменение*. Все эти женщины чуть-чуть меняли картинку, как будто делали свой вклад в игру *найди отличие*. Эта женщина пришла на маникюр и оставила после себя дверные ручки. Эта пришла на маникюр и педикюр — после неё остался целый рулон обоев. А эта не оставила ничего, потому что наращивание ей не понравилось, и мама потом долго плакала по тем трём часам, которые потратила на капризную клиентку.

Всех посетительниц я знала по голосу. Моя бывшая воспитательница из детского сада тоже была маминой клиенткой: она говорила *о-о-о-х!*, как будто

снова и снова окуналась в ледяное море. У неё была дочка, Ксюша. Я её помнила, потому что во время тихих часов она на цыпочках проскальзывала между раскладушек и сообщала воспитательнице важную семейную информацию, пока все спали или, как я, подглядывали. Ксюша так же вместе с мамой ненавязчиво заскакивала к нам домой, чтобы ей бесплатно красили ногти. Её присутствие в доме не делало вклад в наш ремонт и поэтому меня возмущало. А ещё после маникюра она приходила в мою комнату и мне нужно было её занимать.

Мамины клиенты постоянно брали с собой своих детей. Я перестала спать без футболки после того, как пятилетний незнакомый мальчик сорвал с меня одеяло, чтобы разбудить. Одна девочка принесла с собой куклу и предложила мне с ней целоваться по-взрослому. Я отказалась. Тогда она положила куклу на диван, легла на неё сверху и начала и впрямь по-взрослому её целовать. Я пожаловалась маме, но её это не впечатлило. Она подслушала, как я сказала этой девочке, что хочу стать парикмахершей, и припоминала мне это со смехом

ещё несколько недель. Что в этом было смешного, я так и не поняла. Все самые крутые взрослые, кого я знала, были парикмахершами.

Я не считала Ксюшу своей подружкой, она была моей работой. Вдобавок Ксюша говорила такие вещи: *Ну ты даешь! Оля! Хи-хи, перестань!* Эти реакции тормозили почти все занятия и обсуждения. Поэтому мы только и делали, что играли в *Монополию*, которая досталась мне от троюродной сестры. Я представляла, что зарабатываю все деньги мира и Ксюша с её мамой больше никогда не приходят к нам домой.

В тот день я снова не выходила из комнаты с самого пробуждения, потому что не хотела, чтобы красивые незнакомые женщины слышали, как я писаю и смываю. Они приходили друг за другом, поэтому мочи накопилось до самого пупка.

После очередного звонка в домофон раздалось *о-о-ох!* и *хи-хи*. Ещё через полчаса я услышала, как Ксюша заскреблась в коридоре: открывала дверь ко мне в комнату так, чтобы не смазать ногти. Я никогда ей не помогала, но злилась, если она смазывала. Всё

потому, что у нее и так всегда был несчастный вид, а когда на одном из пальцев появлялась зарубка, Ксюша могла заплакать. Я считала такое отношение к бесплатным ногтям дебильным. Сама я так относилась к оценкам.

Ксюша вошла, и я сразу заметила, что она была другая. Уверенная. Она так и спросила, без приветов: *Помнишь Лизу?* Я знала всего одну Лизу, но Ксюша никак не могла говорить о ней. Я поняла, что сейчас описаюсь, и ушла в туалет. Всякий раз, когда я выходила из комнаты, клиентка и мама замолкали. В тот раз они слышали, как я долго не могла начать, а потом неприлично долго писала.

Когда я вернулась, Ксюша рассказала, что Лиза — та самая Лиза — её одноклассница, и живёт она в соседнем доме от меня. В таком же доме, как мой, в пятиэтажке. Я ходила мимо неё каждый день.

В тот день я любила Ксюшу. У неё были красивые волосы, она одевалась всегда в разную одежду. Мне нравилось, как она выпучивала глаза и открывала рот, когда верила моим выдуманном историям. Я обычно не фокусировалась, когда

смотрела на неё, но тогда на пару часов она стала чёткой. Ксюша была хорошим человеком. Спустя почти год после нашего с Лизой расставания она загорелась идеей нас воссоединить.

Мы договорились встретиться у моего подъезда. Лиза шла мне навстречу. Было начало мая, и рядом грелись на солнце зачатки садов, которые выращивали соседи у дома. Она не смотрела мне в глаза и улыбалась. Мы никогда к этому не возвращались, но Лиза, получается, рассказывала обо мне, говорила про меня так много, что Ксюша догадалась: речь о той самой Оле, у которой мама — маникюрщица. Я никогда не упоминала Лизу, хотя и думала о ней часто: не знала, что про неё сказать. Я пригласила девочек в гости.

Мы с Ксюшей разложили *Монополию* на полу и, перебивая друг друга, объяснили Лизе правила. В игре нужно покупать дома и отели. Мы будем по очереди бросать кубики и ходить по кругу. Если остановишься на чужом доме, нужно заплатить хозяину. Кто первым потратит все деньги, выбывает, а тот, у кого останется больше всего домов, улиц и

денег, победит. Лиза отказывалась понимать, что нужно делать.

Мама принесла нам порезанные фрукты, Лиза и Ксюша улыбнулись и сказали *спасибо, тётя Света*. Я заставила Лизу играть даже без уяснения правил, и игра развивалась быстро. После каждого круга она скупала всё больше улиц. *Московская, Школьная, Центральная, Вокзальная, Барские пруды* и, наконец, улица *Мира*. Ксюша скоро ушла домой. Лиза осталась. Она рассказала, что прошлым летом она ездила ещё на одну смену после нашей, и там за ней приударил мальчик по кличке Кузя. Он приглашал её танцевать медляки на дискотеках и в конце смены подарил открытку с признанием в любви. *Шанс*. Лиза не станцевала с ним ни разу, а открытку выбросила. *Тюрьма*. Я не знала, как выглядит Кузя, но подумала, что точно бы с ним потанцевала. *Общественная казна*. Лиза влюбилась в мальчика с точно такой же фамилией, как у меня. *Шанс*. А ещё она захотела отрезать свою косу, мама ей разрешила, но бабушка с дедушкой против. *Тюрьма*. Я напомнила, что волосы быстро отрастут, если ей не понравится с короткими.

Лиза воодушевилась и закивала. *Получите зарплату.* Я была рада сказать что-то умное. Лиза победила в своей первой игре в Монополию. Подруга ушла от меня поздно, потому что идти до дома ей было всего две минуты.

После Лизиного ухода мама сказала не между делом, а так, чтобы я точно её услышала, что моя новая подруга раньше меня начнет встречаться с мальчиками, но переживать из-за этого не стоит. Зато я, когда придёт время, встречу того самого и сразу выйду за него замуж. Я спросила, с чего мама это всё взяла. Она посмотрела на меня разбавленным взглядом, и мне захотелось сильно-сильно нажать на передние два зуба, чтобы они сдвинулись поглубже в рот. Мама добавила, что Лиза — грузинка, а грузинки очень красивые в молодости и уродливые в старости.

На следующий день я проснулась в восемь тридцать утра от звонка в домофон. Я хотела уснуть обратно, но мама крикнула, что это ко мне. В коридоре разувалась Лиза. Пришлось натянуть футболку пониже и пойти чистить зубы.

Мама приготовила гору сырников, и мы с Лизой завтракали и пили чай. Нам не о чем было поговорить, и я не понимала, что делать. На столе, за которым мы ели, лежали все мамины инструменты для работы, в том числе и миска с мягкими шариками. Мама наливала в неё горячую воду, и клиентка опускала туда руки. Это было нужно, чтобы пальцы размягчились и стало легче подрезать кутикулы. А чтобы не было скучно, клиентка могла потрогать мягкие шарики. Может, у них было и другое предназначение, но я его не знала. Мягкие шарики были похожи на икринки. Я показала их Лизе и сказала, что жду вылупления рыбок. Она сделала вид, что поверила.

Меня завораживал процесс рождения. Началось всё с *Динозавра*, фильма, который шёл по телевизору. К семейству лемурув попадало яйцо. Животные пугались: существо внутри грозно ворочалось и пыталось выбраться. Когда мама-лемур приоткрывала отколовшийся от яйца осколок, вместе с куском скорлупы растягивалась противная сопля. Ещё секунда и мама поворачивалась с несмыслённым

динозавриком на руках. Вожак не разрешал оставить монстра и шёл к обрыву, чтобы скинуть туда младенца. Но беззащитный, сонный динозаврик писал на мудрого лемура и тем самым доказывал, что он не опасен. Его принимали в семью и выращивали как своего малыша. Остальная часть фильма меня не интересовала, я хотела тысячу раз подряд смотреть, как вылупляется динозавр, поэтому оставалось только ждать, когда кино покажут снова.

В один из перерывов между трансляциями *Динозавра* я сделала гнездо из одеяла на кровати родителей и положила туда яйцо из холодильника. Оно было холодное и странно пахло, но если бы я его по-настоящему согрела, из него точно вылупился бы цыпленок. Я бы ухаживала за ним, и он считал бы меня своей мамой. Мне хотелось стать родителем малыша, которого можно носить везде с собой и кормить из бутылочки. Он любил бы меня сильнее всех в мире, как я любила свою маму тогда — во времена детского сада. Я размечталась, забыла о яйце и в итоге на него случайно села.

Лиза знала о процессе рождения всё. Когда ей исполнилось девять, у неё родился брат. Я тоже так хотела, но мама сделала аборт. Она отказывалась понимать, что ребёнок — это единственное, чего нам с ней не хватало. Мама бы работала, а я заботилась о младшей сестре: развлекала её и учила, делала всё то же самое, что и с детьми, которых приводили мамы клиентки. Но она говорила, что родила меня поздно, поэтому теперь она слишком старая, чтобы рожать. Тогда я предложила другой вариант: мы возьмём ребенка из детского дома, будем говорить ему, что он родной, и он никогда не узнает правды. Но и на это у мамы был аргумент. У неё нет мужа, а в неполные семьи детей не выдают. Я спрашивала: точно? Мама уверенно кивала. Муж в нашу маленькую квартиру в таком случае не помещался — тут либо мужчина, либо младшая сестра.

Лизины родители столкнулись с похожей проблемой. Когда родился младший брат, мама и отчим отправили Лизу жить к бабушке и дедушке. Её брат был родной, но он совсем не был похож на сестру. Лиза — смуглая, чернобровая, кареглазая,

Владимировна. Коля — молочно-белый, светловолосый, голубоглазый, Павлович.

Лиза рассказала мне по секрету, что у неё ненастоящее отчество. На самом деле её отца звали Заза. Но папа с мамой не продолжили встречаться, поэтому молодая женщина с новорождённой дочкой на руках на всякий случай записала в строчку об отце другое имя. У Лизиной мамы всё было продумано. Подруга объяснила: с новым отчеством никто не сможет обвинить её в том, что она чурка.

Лиза сразу уловила смысл игры в маникюрные икринки: нужно выпендриваться перед другими людьми, чтобы они завидовали и считали нас особенными. Шарики мы вынесли во двор и стали рассказывать знакомым и незнакомым детям каждый раз новую историю о том, откуда эти икринки у нас появились и какими будут рыбы, которые из них вылупятся.

В версии для девочки с мелированием — дочки парикмахерши — мы ждали вылупления ядовитых розовых пираний. Я показала свой шрам от кисти до сгиба локтя на правой руке — он был похож на

растекшийся яд. Это жертва, которую я принесла, чтобы раздобыть икринки и вырастить из них домашних любимцев. У девочки с мелированием тоже был шрам, но не такой интересный: всего лишь белый след от утюга на ноге.

Лиза сказала, что дочка парикмахерши дружит со мной, только чтобы потом просить мою маму делать ей маникюры бесплатно. Прямо как Ксюша, подумала я. Пока подруга была на шухере, я написала мелом на асфальте, что девочка с мелированием — дура, и нарисовала какашку. Потом мы с Лизой позвонили ей в домофон и сообщили: кажется, у неё появился враг. К сожалению, дочка парикмахерши сразу раскусила наш грязный ход. Никто во дворе не рисовал так хорошо, как я.

В версии для мальчика с длинной чёлкой мы ждали вылупления рыб-собак. Они бы выглядели, как крошечные пёсики с жабрами и лапами вместо шерсти и лап. Чёлка мечтал о собаке, поэтому умолял нас отдать ему одну икринку. Мы долго противились, но согласились. Он развернул носовой платок, положил туда будущую рыбу-собаку и

побежал домой, потому что икринку нужно держать в воде. Чёлка жил на первом этаже и прямо из окна показал нам глубокую тарелку, где теперь жил его Шарик.

Мне взбрело в голову, что я влюблена в мальчика с длинной чёлкой, потому что я тоже хотела собаку. Через Лизу я передала ему записку, на которой быстро нарисовала сердце красным фломастером. Лиза сказала, Чёлка не понял, что нарисовано. Он подумал, что это помидор. Мы быстро забыли эту историю и по его просьбе накрутили ему плойкой кудри у меня дома. После этого Чёлку больше не отпускали с нами гулять.

Девочка из дома, который называли *Китайская стена* за его длину, тоже оказалась Лизиной одноклассницей. Она была маленькой, спортивной и зачем-то красила свое лицо оранжевым тональником. В спектакле, который ставила учительница по английскому, девочка играла обезьянку Абу.

В версии для Абу мы ждали вылупления водяных жуков. Они вырастали до размера крокодила. Их в определенный момент надо было

выпустить в Чёрное озеро, чтобы они жили в соответствующем их размеру водоёме. Абу попросила не выпускать никого в озеро, потому что она ездит в лагерь на его берегу и, если там будут жить жуки, она больше не сможет ходить купаться. Мы сказали, что всё равно отнесем малышей туда, и Абу очень расстроилась, чуть не заплакала. Её лето было испорчено.

Лиза рассказала, что Абу каждый раз после душа берёт полотенце и трёт им себе между ног. Я спросила зачем. Подруга ответила: это потому что её одноклассница — извращенка. Ещё она крадёт мамину бритву и суёт себе *туда*. Я хотела продолжить говорить об этом. Мне очень понравилось обсуждать всё, что делает Абу после душа. Но Лиза ничего про это больше не знала.

Никто не мешал нам рассказывать истории про икринки. В нашем дворе не водилось сыщицы Доры Помидоровой, которая раскусила бы нас в два счёта. Но мы забыли, что у нас оставалась одна свидетельница.

Ксюша, оказывается, провозгласила себя главной специалисткой по маникюрам. Она сразу шарики узнала и завизжала, что мы врушки. Ксюша искала в моём лице поддержку, но я сказала, что мне виднее разница между шариками и икринками, потому что это *моя мама* делает маникюры. Девочку всё это ужасно оскорбило. Я показательно повернулась к ней спиной, а лицом — к Лизе.

* * *

Наш ремонт застопорился, потому что маме надо было выбрать: поехать на море или начать делать ванную и туалет.

Мама сказала, что мы сделаем санузел следующим летом, а пока можно *облагородить* балкон. Она купила ярко-оранжевую краску и покрасила старые серые доски, которые огораживали нашу *третью комнату* — настолько просторный, по маминим словам, у нас был балкон. Теперь каждый раз, когда я останавливалась у своего подъезда с друзьями со двора, я просила угадать, какой балкон

мой. Они выбирали ярко-оранжевый в последнюю очередь.

Мы с Лизой стали много времени проводить в третьей комнате. Мы слушали мамино любимое радио — *Monte Carlo*. Очень скоро мы обнаружили, что под облагораживающим линолеумом много камней — кусков бетона, которые легко отрывались от пола. Я кинула один такой вниз, и мы проводили его взглядом: он затерялся в кустах.

Лиза рассказала, что она бросалась яйцами в машину соседа, потому что он называл её дедушку плохим человеком. Она объяснила: сосед завидовал, потому что её дедушка — важная шишка в нашем городе. Да, некоторые его поступки могут показаться нехорошими, но на самом деле они правильные. Например, он бил их собаку — ротвейлера, и многие считали, что так делать не надо, зато потом восхищались тем, насколько послушной она выросла. Я кивнула и задумалась о том, что ещё в жизни мы считаем плохим, не понимая, что на самом деле это помогает нам достичь цели. Мои мысли прервала

Лиза: она показала вниз. Там стояла Ксюша и махала нам.

Моё настроение сразу испортилось. Почему она вообще пришла сама, без мамы? Она никогда так раньше не делала. Я представила, как Ксюша поднимается к нам, а Лиза тут же становится тихой — она всегда всем видом давала понять, что только и ждёт, когда мы останемся вдвоем. Мне надо будет развлекать их обоих — то есть работать. Я притворилась, будто Ксюши нет, и шепнула Лизе, чтобы она сделала то же самое. Ксюша снова крикнула: *Оля!* Лиза смотрела на меня и мимикой просила ответить. Я продержалась ещё несколько секунд, а потом крикнула Ксюше, что не буду с ней гулять. Она расплакалась и убежала в сторону своего дома.

В следующий раз моя бывшая воспитательница пришла на маникюр одна, а после её ухода мама долго и в слезах убеждала меня снова начать дружить с Ксюшей. Я молча смотрела перед собой и ждала, когда это закончится. Мама часто так делала: пыталась спасти людей, которые мне были не нужны.

Я не понимала, какая ей разница. Не она же с ними дружила.

* * *

Выпускной после четвертого класса выглядел так: все пять классов, которые учились на одном этаже, выпустили в общий коридор в десять утра и разрешили бегать под музыку. Я стояла в стороне и смотрела на Лизу. Это был первый раз, когда я увидела её в школе. Она была с распущенными волосами ниже попы, в красивом розовом платье и пластиковой диадеме. Лиза гонялась за пацанами и, судя по всему, получала удовольствие от того, что они её задирают. Ей нравилось наказывать их кулаками и ногами.

Если одноклассник пытался начать игру в догонялки со мной, я смотрела на него как на дурачка. Обычно во время перемены я сидела в классе одна и читала или вязала крючком. Сейчас класс был закрыт, книги или вязания у меня с собой не было, но я не постеснялась бы начать читать или вязать прямо на выпускном. Я подошла к маме и попросилась

домой. Когда мы спускались по лестнице, я слышала, как учительница раз за разом кричит Лизино имя и называет её негодяйкой и проказницей.

Вечером мне пришла эсэмэска.

выходи

Я выбежала на улицу. Её волосы были чуть ниже плеч. Больше никакой резинки-ободка или косы. Лиза сказала, что это подарок, который мама сделала ей на выпускной, и первым человеком, кому она захотела показаться такой, стала я.

ГЛАВА 4

Начался сентябрь, мы перешли из корпуса начальной школы в основной. Теперь нам надо было ходить из одного класса в другой, и я очень боялась, что всё перепутаю и пойду не туда. Первый месяц меня рвало ничем почти каждое утро перед школой, пока мой завтрак в виде гречки с молоком, бутерброда с сыром и глазированного сырка смотрел детские клипы из рубрики *Baby Time* на канале *Bridge*.

Я больше не дружила ни с кем из моих одноклассников, и мне не у кого было попросить о помощи. В нашем классе все разбились по парам. На мероприятия — вроде возложения цветов на Аллее героев — надо было ходить строем по два человека. Может поэтому всем было удобнее дружить вдвоём? Я пыталась понять, по какому принципу другие дети выбирали себе лучших друзей.

Две мои одноклассницы постоянно спорили из-за того, кто из них будет Стеллой из *Винкс*. Но это не помешало им стать лучшими подругами. Они приносили из дома каталоги *Mary Kay*, потому что их

мамы получали бонусы за продажу косметики, и вместе уговаривали одноклассниц купить помады, тени и туши.

Моя мама тоже раньше этим занималась. Она рассказывала, что если продать достаточно товаров, можно выиграть розовую машину. Я очень хотела заработать на такую и злилась на Стеллу и Стеллу, что они придумали приносить каталоги в школу уже после того, как моя мама разочаровалась в *Mary Kay*. Я могла бы ей помочь.

Подруги раскладывали каталоги на подоконнике и собирали вокруг себя девочек — и меня тоже. Мне нравилось смотреть на ряды объёмных разноцветных мазков на глянцевой странице. Я растирала пробники и вдыхала запахи, похожие на то, чем пахли мамины клиентки.

Стелла и Стелла не доверяли мне. Они видели, что я не пользовалась ни помадой, ни тенями, ни тушью. Они шептались и смотрели на меня с приподнятыми бровями, когда я просила у них каталог. Поэтому я уговорила маму дать мне девяносто девять рублей на блеск. Он волшебным

образом принимал цвет, который больше всего подходил твоим губам. Это был единственный продукт, который меня заинтересовал. Мне было тошно от мысли, что Стеллина мама на девяносто девять рублей станет ближе к розовой машине, но я слишком сильно хотела узнать, какой цвет достанется мне. Представляла, что мои губы внезапно станут чёрными, как у Даши из *Папиных дочек*, и Стелла снова скажет, что я забавная, как в тот день, когда я смыла фантик в раковину. Но мой блеск оказался просто розовым. Я сразу же забыла, что накрасила губы, и вытерла их рукой. Не быть Текне подружкой Стеллам.

В начальной школе меня считали умной, потому что я училась на одни пятерки. Соня тоже была отличницей, но по-другому. Наши результаты можно было сравнить с прыжками в длину. На пятерку достаточно перепрыгнуть черту в сто шестьдесят сантиметров. Так вот мой прыжок был длиной сто шестьдесят один сантиметр. Сонин — два метра.

Её мама была нашей математичкой, и Соню всегда вызывали к доске решать самые сложные,

олимпиадные задачи. Она разговаривала сама с собой, пока выскрипывала своим крошечным почерком правильное решение. Учительница складывала руки на груди и с улыбкой наблюдала за дочкой. Никто не сердился на Соню в эти моменты. Обычно все переглядывались, пожимали плечами, откладывали ручки и занимались своими делами.

Соня могла быть моей подругой. Всё сходилось: она тоже читала все книги, которые нам задавали. Она тоже любила математику. Но Соня в отличие от меня никогда ничего не забывала. Каждый раз, когда я говорила, что не сделала задание, она была в шаге от того, чтобы больно толкнуть меня. Поводов у Сони было много. В начале пятого класса я получила свои первые в жизни двойки: сначала по английскому, а потом по географии. Я села дома за стол, открыла дневник и увидела, что ничего не записала, а значит, ничего не было задано. Пока я плакала из-за оценок, которые уже невозможно было исправить, Соня вырывала у меня тетрадку и показывала пальцем в место, где я не пометила на полях, что должна была

сделать. Она кричала на меня с улыбкой, прямо как её мама, но от этого было не легче.

Я часто не застегивала свой рюкзак перед тем, как его надеть, поэтому из него вываливались учебники и сырники в фольге, которые мама давала мне с собой — я боялась ходить в столовую. Соня стаскивала с меня открытый портфель и впихивала в него все мои вещи с пола.

На последней неделе сентября нам каждый день напоминали прийти в пятницу в строгой форме — белый верх, чёрный низ. Приезжала проверка и директор не хотел никому объяснять, почему в нашей школе все ходят как попало. Я пришла одна в розовых штанах и кроссовках. Мне казалось, что все оглядывались и смеялись, а учителя закатывали глаза, когда меня видели. Соня снова и снова выкрикивала на весь коридор инструкции, которые нам проговаривали миллион раз. Я прокашлялась от слез и спросила классную руководительницу, могу ли я уйти домой. Но она не разрешила. Сказала, что

теперь я буду знать и в следующий раз буду внимательнее.

Случай с формой стал последней каплей. Я начала выхватывать свои вещи и кричать на Соню в ответ. Всегда ждала редкого момента, когда она ошибётся, чтобы публично подчеркнуть её неидеальность. Она быстро поняла, что происходит. Не просто так Соня была самой умной.

Вместо меня она выбрала себе в подруги девочку, которую моя мама считала самой красивой в классе. Эта девочка была такая же неловкая, как я, и совсем ничего не запоминала и не могла решить. Я часто видела, как Соня размахивала руками и отчитывала её на первой парте, но её новая подруга на это только улыбалась. Я так не умела — и мне было стыдно за то, что я такая злая. Они идеально друг другу подходили. Скоро Соня и её пара начали ходить за ручку и стоять в обнимку на переменах.

Среди девочек была ещё одна пара подруг. У обеих были сумки через плечо с десятком значков. Может, именно поэтому они и дружили. Или их

сблизило то, что они обе учились исключительно на двойки.

У первой в сумке были альбомы, блокноты, карандаши, фломастеры, ручки. Она занималась в художке и постоянно прогуливала школу. Всё, что ее интересовало, — это рисование аниме-девочек. У неё получалось очень красиво, и один раз на скамейке для освобождённых от физкультуры я ей об этом сказала. Она улыбнулась одной половиной рта. Я спросила, как она придумывает столько разных причёсок, почему-то покраснела, опустила глаза и добавила, что тоже рисую, и у меня ступор, когда надо рисовать волосы. Она сказала, что у неё такой проблемы нет, и отвернулась к своему блокноту.

У её подруги в сумке были учебники. Если первой девочке было пофиг на уроки, то второй — нет. Она очень старалась. Но у неё всё равно ничего не получалось.

Я помогала ей повторять стихотворение Пушкина *Зимнее утро* перед уроком. Мы вместе посмеялись над тем, что проходим его осенью. Как будто есть такой закон, что нужно сначала тридцать

раз вслух рассказать стихотворение про зиму, чтобы она началась.

Самой сложной была последняя строфа. Когда она читала строчку *И навестим поля пустые*, то поднимала футболку и гладила себя по смуглому животу. *Типа пустое поле*, хихикала одноклассница. Когда она читала строчку *Леса, недавно столь густые*, она расчёсывала пальцами свои длинные русые волосы. Но мой любимый момент был все-таки про поля.

За стихотворение ей поставили тройку. Одноклассница спросила почему. Учительница ответила: *надо было дома учить, а не перед кабинетом — за пять минут до звонка*. Девочка пошла к своей парте, собрала вещи, назвала учительницу *конченой дурой* и хлопнула дверью. После этого она совсем перестала появляться в школе.

Так что мне оставалось разговаривать только с теми, кто, как и я, приходил слишком рано и тридцать минут ждал начала первого урока у кабинета. Каждое утро я выдумывала историю о своей самой

неинтересной на свете кошке, потому что знала: все эти четыре человека сходят с ума по *Котам-Войтелям*, а значит им должно быть интересно. Никто моим рассказам не верил, но все продолжали слушать, как моя кошка любит сидеть по-турецки.

Мой одноклассник, один из раннеприходящих, в очередной раз увидел, как я подхожу к кабинету, и сказал своему другу так, чтобы я услышала: *Оля идёт в школу одна, Оля идёт из школы одна, Оля одна на перемене, Оля сидит за партой одна.*

И вот так я и сидела за партой в классе, куда нас пустили заранее, вытирала октябрьские сопли рукавом и злилась на себя за то, что никогда не беру с собой салфетки. Я услышала, как меня зовут по имени. Подняла глаза от учебника — все одноклассники смотрели на меня. Только потом я заметила в дверях Лизу. Она помахала мне и исчезла в коридоре.

ГЛАВА 5

Мы начали пересекаться каждую перемену. Лиза научила меня ориентироваться в расписании не только моего класса, но и её и даже 6Г — того, где учился мой однофамилец, в которого она влюбилась.

Пол: *мужской*

Имя: *Саша, но все зовут Йося*

О себе: *главный клоун класса*

Я впервые увидела его, когда мы с Лизой специально прошли мимо открытого класса на десятиминутной перемене. Он скакал и орал, а когда на него прикрикнула биологичка, сделал смешное невинное лицо и сел за парту, скромно сложив руки перед собой.

Лиза выбрала одноклассника Йоси и сказала: вот он может тебе нравиться. По словам подруги, так мне не будет скучно ходить с ней мимо Йоси каждую перемену. Я пожала плечами. Мне не было скучно.

Лиза опаздывала на урок, даже если приходила в школу заранее. Она выходила в туалет, но не шла

туда, а проводила время в коридоре. Обычно от нарушения правил у меня пересыхало в горле и я забывала, как дышать. Оно казалось мне непредсказуемым, а я даже с прогнозируемыми событиями не справлялась. Но за пару недель школьного общения с Лизой я заметила, что нарушение правил легче просчитать, чем их соблюдение. Я никогда не могла предугадать, когда и за что меня отругают на уроке, но если опаздывала, точно знала, что учительница разозлится. К этому хотя бы можно было подготовиться.

Раньше я думала, что хочу другую подругу — ту, которая всё делала как *надо*, по расписанию. Но такой была Соня — и я ненавидела её за это.

Итак, статус: *одноклассник Йоси*

Пол: *мужской*

Имя: *Илья, но мы зовём его Кедики*

Когда в книгах персонаж влюблялся, он часто разглядывал предмет воздыхания во всех подробностях. Вот так, например, я первый раз

увидела Селению из *Артура и минипутов* глазами Артура:

Два огромных голубых глаза под непослушной сиреневой чёлкой, большой рот с розоватыми, как корочка грейпфрута, губами, лукавый, как у лисёнка, взор, и открытая, тёплая улыбка, способная растопить все льды Северного полюса.

Я пыталась описать Кедиков похожим образом.

У Кедиков был большой рот и маленький нос. Он не носил сменную одежду для физкультуры — быстрее было не переодеваться, а сразу бежать на следующий урок. Кедики любил поесть: если в его руке не было йо-йо, значит, он держался за нажористую булку.

В фильмах и мультфильмах у влюблённых персонажей обычно была отдельная активность — думать о человеке, который их интересовал. Например, писать в дневник о том самом парне, как это делала Джинджер из *Так говорит Джинджер*. Я боялась вести дневник, потому что мама всегда его находила, а потом пересказывала своим клиенткам на нашей кухне. Она говорила: *прикинь, я устроила*

ей культурную программу с концертом и катанием на катамаране, а она пишет СКУ-КО-ТИ-ЩА!

Я пользовалась более безопасным вариантом: закрывала глаза и повторяла про себя описание Кедиков. Так же я делала и с *Гарри Поттером*. Читала одну главу, а потом проговаривала все события, которые в ней описывались, чтобы не забыть.

У меня не получалось сконцентрироваться на внешности Кедиков надолго. Например, я отвлекалась на то, чтобы определить, с кем мама разговаривала по телефону: мужчиной с сайта знакомств или клиенткой. Обычно она говорила низко, громко и требовательно. Если звонил мужчина, она начинала тихо просить, как кошка, которая мяукает почти беззвучно. Мама делала вид, что ничего не знает и не понимает. Но когда мужчина не справлялся с тем, что она просила его сделать, у неё лопались сосуды в глазах.

ГЛАВА 6

Мама начала ходить на свидания. В это время мы с Лизой играли у меня дома в *Need for Speed: Undercover*.

Главный герой игры — полицейский под прикрытием. Ему нужно выдавать себя за уличного гонщика и зарабатывать репутацию плохого парня, чтобы его пригласили в преступный синдикат.

Когда Лиза принесла мне диск с игрой, она сказала, что мы будем кататься вместе с её одноклассниками. Она указала на имена гонщиков, с которыми я соревновалась: MONIES331 — это Никита, а BORRILLO — это Егор. Я удивилась: это же не онлайн-игра. Лиза тоже так думала, пока эти двое не прижали её к стенке за то, что она обогнала их прямо на финише.

Кольцевые гонки обычно проходила я. Лиза считала их скучными, а мне нравилось раз за разом проезжать одну и ту же трассу. Я запоминала сложные повороты, заучивала места, где нужно притормозить или лучше, наоборот, разогнаться. Уже

после первого круга можно было не ждать никаких сюрпризов.

Гонки с контрольными точками лучше получались у Лизы. Сначала она ехала медленнее всех, чтобы на последних 30% трассы обогнать соперников. Если она понимала, что её стратегия проваливалась из-за слишком резких виражей или недостаточно мощной тачки, то распихивала другие машины с помощью нитро. Лиза импровизировала.

Убегать от полицейских не нравилось никому из нас — было слишком страшно. Мы с визгом искали закуток, где можно было переждать погоню, и шутили, что фрязинские милиционеры тоже скоро начнут ездить на порше, потому что недавно президент приказал называть их полицейскими, как в Америке.

Лиза звала меня ауди тэтэ. Говорила, что у меня глаза похожи на прямоугольные фары. Она же была феррари.

Когда Феррари получила тройку за устный счет, её перестали пускать ко мне в гости. Играть без неё стало скучно, и я заметила, что моя мама и её парень возвращались к нашему дому намного раньше, чем я

думала. Он парковал свою красную ладу под нашими окнами, и они сидели в машине по несколько часов перед тем, как мама поднималась домой. Я специально не включала свет, чтобы меня не было видно с улицы, и пыталась разглядеть, что они там делали, из окна кухни.

В один такой вечер Лиза позвонила по домашнему и сказала, что Егор и Никита — BORRILLO и MONIES331 — дали ей номер Кедиков. Они вместе занимались баскетболом в Олимпе.

Я легла на мамин диван вместе с трубкой и укрылась одеялом. Почти без звука работал телевизор: по ТНТ шёл *Иллюзионист*, которого я никогда не смотрела от начала до конца. Подруга предложила написать Кедикам эсэмэску. Я услышала, как зазвучал звук кнопок её красной раскладушки Samsung. Лиза отправила:

привет, как дела? это Лиза из 5В

Она пошла вместе с трубкой домашнего в туалет, и я услышала, как заиграл Лизин рингтон. Он напоминал музыку из пиксельной игры. Мелодия

прерывалась двумя сотрясениями копилки, будто персонаж собирал монетки. Резиновые кнопки прилипли к моей щеке. Лиза смыла и ответила на звонок.

Всё это было похоже на тюнинг новой тачки, сделанный сразу после оглушительной победы. Всего за пару секунд у меня появились новый глушитель, наддувный двигатель и усиленные тормоза, кастомные кузов, капот и диски. Кедики перезвонил Лизе.

Неужели у меня будет парень? Что это будет значить? Я раньше думала так: *решу, когда встречу*. Ну, будем с ним ходить за ручку и целоваться. Но всё случилось слишком быстро, и никакое решение мне в голову не пришло.

Одно я понимала точно: появление парня означало полную прокачку меня. Мне больше не будут страшны они — школьные предметы, по которым я забываю делать домашнее задание. Если я и буду получать двойки, то хотя бы по причине *проводила время со своим парнем и поэтому не подготовилась*. А не из-за пустых блужданий по дому

в ожидании, когда *Реальные пацаны* закончатся по телевизору и начнётся что-то получше. Реальные пацаны намного круче *Реальных пацанов*.

Мама говорила, что нужно всегда быть чем-то увлечённой. Тогда люди сами к тебе подойдут, чтобы спросить, чем это ты там так сильно заинтересовалась. А нет на свете ничего более интересного, чем парень, которому ты понравилась. Так всегда считали мои одноклассницы, разговоры которых я подслушивала. К тому же мама очень гордилась, когда у меня было много женихов. Много — это два.

Первого звали Дима.

ГЛАВА 7

Чтобы перенестись во времена детского сада, нужно лечь в кровать и начать посасывать уголок пододеяльника. Обязательно в этот момент надо хотеть писать, но терпеть до последнего и плакать. Я боялась пойти в туалет во время тихого часа.

Воспитательницы расставляли раскладушки в том же помещении, где мы играли и ели. У каждого на пододеяльнике была заплатка с животным. Точно такие же лепили утюгом на коленки, если вдруг на джинсах появлялась дырка. С помощью заплаток на одеялах мы определяли, куда нам ложиться. Свою улиточку я обычно находила в начале ряда у окна. Я быстро оценивала обстановку: чтобы попасть в туалет, мне надо было продефилировать через всех детей. Слишком многое могло пойти не так.

Я помню — и иногда даже рассказываю — историю про тихий час, во время которого девочка из моей группы обкакалась, позвала воспитательницу, вытерла какашки об её юбку и легла спать дальше. Через пару недель воспитательница уволилась.

Я помню — но никогда не рассказываю — историю про тихие часы, во время которых Дима засовывал руку под моё одеяло и пытался трогать мою писю. Это было будничное раздражающее обстоятельство, как люди, которые громко говорят по телефону в общественном транспорте. Хорошо, что от навязчивых телефонных разговоров можно спастись наушниками, а от Димы — подоткнутым под себя одеялом.

Дима был в меня влюблён, делал подарки, называл своей женой. Думаю, он рос на фильмах, в которых могла прозвучать фраза: *после такого он обязан на ней жениться*. Дима был честным мальчиком с вшитым чувством долга.

Я росла на фильмах про киллеров и бандитов, в которых человек, сбежавший из тюрьмы, мог зашивать себе руку в лесу, сдерживая стоны и слёзы.

В детском саду я ни с кем не разговаривала, как киллер, которого играл Жан Рено. Моя работа — быть ребёнком — была слишком опасной, чтобы сближаться и привязываться.

Воспитательница в яслях была уверена, что я отстаю в развитии и не умею говорить, а значит не могу на неё наябедничать. Поэтому она обзывала меня за то, что я надеваю сначала курточку, потом ботиночки, а не наоборот. Она не знала, что я двойной агент и дома болтаю без умолку, особенно о том, что меня обидело. Надеюсь, гнев моей мамы научил её, как не надо общаться с детьми.

Но всё-таки... Не из-за моей ли игры в молчанку Дима выбрал для своих поползновений именно одеяло с улиточкой? Может, он, как и воспитательница, решил позволить себе гадости, потому что я как будто не могла никому пожаловаться? О Диме я правда не могла рассказать. Я понимала: о таком не распространяются.

Наше с Димой противостояние кончилось в один особенный день, когда я решила дать сдачи. Под сдачей я подразумеваю мою руку в его трусах. Я дотронулась до его писи — она была мягкой и противной — и начала мять её, как игрушку-антистресс. Помню красное и сосредоточенное лицо Димы, а потом безгливое

лицо воспитательницы, которая вытащила нас из кроватей и шёпотом отчитывала.

Дима сразу же зарыдал. Он плакал с душой, изображая стыд и скорбь. Скорбел он, конечно, по тому, как я сжимала его писю. Он догадывался: это мероприятие больше не повторится, как и его вторжение в мои трусы.

Я держалась с достоинством: испуганно переводила взгляд с ног воспитательницы на ноги Димы. После разборок я сходила в туалет, хотя тихий час еще не кончился. Пропахший сладкой кашей воздух накалился от воспитательского ужаса. Теперь точно никому бы не пришло в голову смеяться над моим желанием пописать.

В начальной школе Дима всё еще считался моим другом. Так говорили мои мама и бабушка. А я ждала, когда Дима в очередной раз подойдет ко мне в школьном коридоре, чтобы отшить его с помощью словечек Хельги из мультика *Эй, Арнольд*.

Когда Хельга предавалась мечтам об Арнольде, рядом с ней оказывался неприятный сопливый мальчик, который всё портил. Она обычно говорила

ему *отвянь* или *отсохни*, а потом била по голове. Я предложила отсохнуть Диме, а он не понял, что я от него хочу. Но я всё равно почувствовала себя почти нормальной девчонкой.

Мне, как и Хельге, нравился Арнольд. Я представляла, как окажусь в мультике и этот добрый мальчик со странной головой в меня влюбится. Он пригласит меня в свою комнату со стеклянной крышей. В этот вечер обязательно будет дождь.

Но в реальной жизни был только неприятный сопливый мальчик Дима, который отомстил мне за мои словечки из мультиков. На праздновании его дня рождения я пошла в туалет и не закрыла дверь на щеколду. У меня не было такой привычки, потому что у нас дома никто ни от кого никогда не закрывался. В самый ответственный момент Дима распахнул дверь и засмеялся. Все гости прибежали посмотреть на меня, и в их глазах читался голод по такому зрелищу. Если бы я жила в мультфильме, со мной подобного точно не произошло.

Я помню, как меня привели в гости к Диме в последний раз. Мы должны были поиграть вдвоем,

пока мамы ходят по делам. Я не хотела видеть Диму, но у меня были виды на его компьютерные игры. Могу только догадываться, на что были виды у Димы, но его мама перед уходом сказала: *по всей квартире расставлены скрытые камеры, поэтому ведите себя хорошо.*

На компьютере мы играли в стратегию. Я села на главный стул, а Дима — на второстепенный. С него он подсказывал мне, что нужно делать. Сначала — поставить базу. Я осмотрела карту и специально выбрала самое неудачное место. Вместе с базой у игрока появлялось небольшое войско. Я смешно поводила своих послушных воинов по кругу мышкой. Теперь надо было придумать, как уничтожить войска соперников, чтобы расширить свою базу до военной империи. Я выбрала самую опасную армию и направила свое маленькое войско её побеждать. Дима с грустью смотрел, как всего за пару минут я потеряла всех своих воинов. Я спросила: но разве не в этом смысл компьютерных игр? Делать глупости, которые не стал бы делать в реальной жизни? Дима

ответил, что смысл компьютерных игр в том, чтобы побеждать.

Когда за мной пришла мама, я попросила у Димы диск на пару дней, чтобы установить игру и на свой компьютер. Дома я положила коробочку в специальное отделение для дисков и решила, что больше никогда игру Диме не отдам. У меня появилась мотивация, чтобы больше с ним не гулять, не ходить к нему в гости и делать вид, что мы не знакомы, до самого выпускного. Мама и бабушка пытались разобраться в том, что между нами случилось, но я им ничего так и не объяснила.

ГЛАВА 8

Второго моего жениха звали Илюша. Это символично. Потому что Кедики тоже Илюша. Вдруг существует волшебная совместимость наших имен?

Каждое лето мы ездили в Крым — в деревню Поповка. Наши мамы покупали четыре места в плацкарте, и мы с Илюшей вешали простыню, чтобы отгородиться от остального вагона. Наши попутчики нам завидовали — мы выглядели как опытные и независимые путешественники. Я залезала на верхнюю полку и просила маму передать мне мой рюкзак. В нём всегда лежали три новенькие вещи. Альбом для рисования, тетрадка для рассказов и книжка. Я доставала всё сразу, листала и нюхала, а потом складывала на сетчатую полку, которая все время пыталась больно прищемить мне пальцы. Илюша на соседнем месте разбирал своё добро: пластилин, детские журналы про насекомых и тоже книжку.

Одним летом он увлекся серией книг Роберта Стайна *Ужасики-2*, и я за компанию тоже стала их

читать. *Ужасики-2* отличались от *Ужасиков-1* своей интерактивностью. В конце каждой главы можно было выбрать:

Чтобы спрятаться от монстра под одеяло, перейди на страницу 53

Чтобы начать угрожать монстру шваброй, перейди на страницу 146

На странице 50 главного героя съедали матрасные клопы-мутанты и книга заканчивалась. А на странице 141 швабра превращалась в лазерное оружие массового поражения, и история продолжалась до следующей сюжетной развилки.

Илюша говорил, что когда ты дочитала до несчастливой концовки, даже если это случилось через десять минут после начала чтения, то книга завершена и дальше читать нечестно. Я специально заглядывала во все концовки, потому что для меня книга была закончена, только если я прочитала все страницы.

Я любила сразу применять прочитанное: сначала спрашивала у мамы, что такое *жиртрест*,

потом называла так Илюшу. Он бил меня кулаком по голове, а я царапала его пухлые руки.

До этого мы могли несколько часов сидеть по па к попе и лепить из пластилина. Я — крошечных животных, которых легко было спутать с оброненной козявкой, Илюша — гигантских монстров, которые с трудом помещались в коробку из-под обуви. Но один неосторожный комментарий про чьё-либо извятие, слово за слово — и начиналась драка.

В море мы часами вылавливали рапана, а потом не могли его поделить. Илюша говорил, что моллюска нужно отпустить, потому что он умрёт, если мы его посадим в пластиковую коробку из-под орешков и унесём с собой. Я говорила, что ничего он не умрёт и что можно будет привезти его домой во Фрязино. Я представляла, как приглашаю в гости ребят со двора и показываю им своего рапана. Ради чувства, которое вызвали бы во мне их потрясённые лица, я готова была рискнуть чужой жизнью. Илюша брал и выкидывал рапана далеко-далеко в море.

Я вылезала из воды в слезах. Мама заворачивала меня в полотенце, и мы шагали

босиком по раскалённому песку мимо детей разного роста и возраста. Они стояли в кругу и перекидывали друг другу мяч. Потом мы шли по деревенской дороге — мимо вонючей свалки, дорожущего отеля с белыми колоннами и садовниками, тату-мастеров, работающих с хной — к нашим зелёным воротам. Слева от ворот мы с другими детьми сделали шалаш из листьев, его остатки висели там ещё много лет. Я оборачивалась и видела, что Илюша вместе с мамой всё это время держались в пятидесяти метрах от нас — на всякий пожарный. В этот момент хорошо бы крикнуть в сторону Илюши обидное слово из книжки. Например, *живодёр*. Это обзывательство вызвало бы бурю эмоций, потому что *живодёром* в случае с рапаном была всё-таки я, и мы оба об этом знали.

За воротами нас обычно встречала собака — я помню спаниельку, но была ещё одна, чёрно-белая. Нам с Илюшей взбрело в голову устроить вязку: мы уговаривали чёрно-белую собаку заняться сексом со второй. Животные отказались, а взрослые нас потом отругали. Сказали, что спаниелька могла от этого

заболеть. Имелась ли в виду беременность? Спаниельку я потом рисовала на уроках изо.

Дальше были люди: пахнувшие солью, если в купальниках, или гелем для душа, если в полотенцах. Такие же полотенца и купальники висели на веревках, капали на бетонную дорожку и загораживали путь до наших комнат. В номерах мы переодевались после того, как отмучались в очереди помывться и избежали всех мокриц на полке для шампуней и гелей. Потом одна из наших мам готовила на общей кухне сосиски с пюре. Ели уже мирно.

Мы ссорились только в поездках. Поэтому я очень любила ходить к Илюше в гости. У него всегда было тепло — так, что горели щеки. На полу — старый жёсткий ковролин. На полках жевали корм черепахи или улитки, попугаи или жуки. Мне хотелось там жить. Даже если на полке: Илюша хорошо за всеми ухаживал, в противном случае его мама была на подхвате.

Мы уходили в Илюшину комнату и играли: в компьютер или приставку, зависело от его настроения. На компьютере мы включали *Spore* —

игру, в которой нужно было развить существо от молекулы до космического захватчика. У Илюши дома я всегда сидела на второстепенном стуле, но это меня почти не расстраивало. Он отлично справлялся с игрой. Илюша делал существ дружелюбными и пытался строить отношения с другими племенами с помощью танцев и песен, а не войны.

От друга пахло горячей кожей и мылом, его щеки и ладони были приятными на ощупь. Голова — короткостриженная, и мне кажется, ему нравилось, если я проводила рукой по чёрным острым волоскам. Илюшина жизнь представлялась мне спокойной и устойчивой, как большой и добрый травоядный динозавр. Точно такие же зеленые динозавры висели у него на стенах и светились в темноте.

Мама спрашивала, хочу ли я выйти замуж за Илюшу. *Да*, – не задумываясь отвечала я, если мы шли из гостей. *Фу*, – говорила я после поездки на море.

Именно в гостях я рассказала Илюше свой секрет. Я мечтала стать женщиной-кошкой. Каждый раз в маршрутке я смотрела в окно и представляла,

что бегу по крышам, деревьям и машинам. В моей фантазии воспитатели из кружков замечали меня, и в их головах образовывался недостающий винтик. Он позволял заработать той части мозга, которая отвечала за меня: она супергероиня, теперь все понятно.

Илюша не засмеялся надо мной. Он понимающе кивнул, а потом поделился желанием, которое загадывал каждый раз, когда подворачивалась возможность. Он хотел встретить инопланетянина. Я ждала продолжения, но это было все. Я разозлилась и передумала рассказывать ему свою вторую тайну. Я дочка русалки, которую мама встретила в одном из своих путешествий. Мама пообещала умирающей русалке, что позаботится обо мне, и увезла меня далеко от моря, чтобы я не смогла от нее уплыть. В своей мечте я всё равно догадывалась о страшном обмане и уплывала с дельфином в глубины морей.

* * *

В один из походов в гости к Илюше я стояла в коридоре и разглядывала всё вокруг: тумбочку,

зеркало, верхнюю одежду, стены. Коридор — это место, которому люди редко уделяют столько внимания. Но я ждала маму, было очень поздно, и она никак не могла наговориться с мамой Илюши. На тумбочке лежали монеты. Их было много. Я подумала: зачем? И смела их все себе в карман.

Монеты заговорщически позвякивали, когда через пару дней мы с мамой шли кататься с горки. Я сказала, что хочу булочку, а мама как всегда — *денег с собой нет*. Тогда я хитро улыбнулась и достала из кармана украденные монеты.

Мама тоже хитро улыбнулась и спросила, откуда у меня эти деньги. Я не ожидала, что она спросит. Рассчитывала, что выйду из ситуации победительницей — то есть с булочкой, а мама будет унижена и обезоружена — то есть не сможет мне отказать. Я ответила, что не знаю, откуда у меня эти деньги. Мама пожала плечами и потеряла интерес. Я добавила, что, наверное, забрала их у тети Марины. Мама ответила, что воровать нехорошо, но бессмысленное воровство ещё хуже. Эта болезнь называется kleptomaniей.

Моё воровство не было бессмысленным. Пока монеты лежали у меня в кармане, я была наравне с мамой, в чем-то даже сильнее. Я могла покрыть любой её отказ в покупке товара стоимостью до пятидесяти рублей припрятанным козырем.

Я не помню, извинялась ли я потом перед Илюшиной мамой. Я помню, что булочку мы всё-таки купили.

В другой раз я не стала брать монеты. В том же коридоре, когда наши с Илюшей мамы никак не могли попрощаться, я взяла с тумбочки толстую связку ключей и кинула её за комод. Но никто этого не заметил.

На следующий день мама спросила, не брала ли я ключи тёти Марины. Я возмутилась: зачем мне её ключи? Мама странно на меня посмотрела. Я предложила заглянуть за комод. Пусть не думают, что я воровка. Так ключи нашлись.

Мне нравилось прятать или забирать вещи. Единственный раз меня по-настоящему отругали за это, когда мама выяснила, что пульт прячет не барабашка. Она знала магический трюк: если дома

что-то потерялось, нужно поставить вилку в первый правый угол квартиры. Обязательно зубчиками наружу. Мама хвасталась: после того как она ставит вилку, неведомая сила ведет её в то самое место, где лежит нужная вещь. Я прятала пульт от телевизора в ручку духовки, потому что он ложился туда так естественно, будто это были две подходящие друг другу детали пазла. В идеальном мире пульт всегда лежал бы именно в ручке духовки — это приносило мне такое же удовольствие, как трогать маленькие резиновые игрушки в виде оленей, львов, жирафов и лошадей в *Детском мире*. Когда мама начинала психовать и шла ставить вилку, я доставала пульт, клала его на кресло или под стол, и мама сразу его находила. В роковой день я не успела сориентироваться и попалась. Мама была в гневе. Вечером я нарисовала её в виде злого медведя, и она обиделась ещё сильнее.

* * *

Мы перестали ездить на море с Илюшей и ходить к нему в гости, когда тётя Марина вышла

замуж. Мама объяснила, что тетя Марина и Илюша — евреи, и если у евреев полная семья, они перестают подпускать к себе других людей. Когда мы перестали уже даже ходить друг к другу на дни рождения, мама рассказала, что Илюша очень сильно похудел и мне нужно брать с него пример.

На пляже я всегда рассматривала тело тёти Марины. У неё была обвисшая кожа на животе, ногах, руках и попе. Тётя Марина похудела на тридцать или сорок килограммов за несколько лет до этого. Её тело было очень некрасивое, и я не понимала, зачем ей было худеть. Но она смогла научить Илюшу, как сбросить вес, и он не стал некрасивым. Наоборот, он перестал быть жиртрестом. Теперь я была жиртрестом на фоне Илюши. И мы оба об этом знали.

ГЛАВА 9

Когда мы с мамой ссорились, она уходила в большую комнату, включала песню *Поговори со мною, мама* Валентины Толкуновой и плакала.

*Поговори со мною, мама,
О чём-нибудь поговори,
До звёздной полночи до самой
Мне снова детство подари.*

На самом деле в тексте вместо слова *мама* должно было быть слово *дочка* — потому что это я отказывалась разговаривать с мамой. Или в её фантазии песню пела я? Выростала и жалела, что не общалась с ней, когда можно было. Ещё есть другой вариант, где мама одновременно думала и о нас с ней, и о себе и моей бабушке Азе. У них было принято спорить обо всем.

Например, бабушка не любила выходить из дома. Ей не нравилась природа, потому что она росла в деревне и *это было кошмарно*. Городская жизнь её тоже не устраивала: она отказывалась

ездить на автобусах, электричках, поездах. А если избежать поездки было нельзя, то бабушка либо билась головой на входе в маршрутку, либо падала с верхней полки. На самолёте *от греха подальше* она вообще никогда не летала.

А для мамы день без выхода из дома — это потерянный день, тем более летом. Она начинала купальный сезон как только на улице теплело до двадцати градусов. В конце восьмидесятых мама переехала во Владивосток и устроилась на круизный лайнер официанткой, чтобы ввозить в СССР жемчуг, шубы и японские машины, а потом тут их втридорога перепродавать. Благодаря этому она была везде: в Сингапуре, Австралии, Корее, Новой Зеландии. Бабушка пыталась утихомирить маму, а мама — растормошить бабушку. От этого одна как будто сильнее вцеплялась в свое кресло, а вторая — скакала по свету.

У нас всё было иначе. Мы не пытались переубедить друг друга. Мы не могли состыковаться.

Утром я не слышала будильники. Маме приходилось уносить моё одеяло и громко включать

музыку, чтобы меня разбудить. Я садилась в кровати, и голова кружилась так сильно, что я могла упасть. От хит-парада становилось только хуже.

Я не могла найти нужные учебники и тетради. Особенно далеко от меня прятались контурные карты и словарь для записи иностранных слов. Точнее, словари — каждые две недели приходилось заводить новый, потому что предыдущий терялся навсегда в школе или среди моих вещей дома. У этого был и свой плюс: приятнее всего писать на самой первой странице.

Ещё перед школой вся моя одежда оказывалась грязной. Я скидывала в открытый ящик комода и рубашки с пятнами от кетчупа, и вонючие брюки, и потные футболки. За ночь все запахи смешивались, и утром меня встречала ужасная вонь. Я придумала систему: в потных футболках нельзя поднимать руки, тогда будет сносно. В вонючих брюках нельзя раздвигать ноги и садиться на корточки, тогда станет непонятно, что они пахнут. А пятна можно спрятать накинутой сверху кофтой. Каждый день я обещала себе, что вечером положу всё в стирку.

Сборы в школу в состоянии, когда ты вот-вот то ли рухнешь, то ли стошнишь, выматывали ещё до выхода из дома. Мама ходила за мной, как прицеп на папиной машине, и пыталась научить как надо: *надо* собирать рюкзак с вечера, *надо* отдавать ей запачканные вещи, *надо* ложиться раньше, чтобы не было плохо утром. Но я уже это всё не сделала, какой смысл об этом говорить? Чтобы она отстала, приходилось огрызаться, будто я злая бродячая собака. Ведь начнись между нами спор, я могла опоздать и прийти не за тридцать минут до начала урока, а за двадцать или даже за пятнадцать. Я всегда бежала, если чувствовала, что не успеваю к своему времени.

Даже после *отстань и я разберусь* мама останавливала меня в коридоре и клала мне в маленький кармашек еду с собой — конфетку, сырники или яблоко. Я говорила *нет, не надо*, а сама хотела плакать, потому что это была единственная возможность для меня поесть в школе и мама это знала и заботилась обо мне. Я чувствовала себя одной из героинь бабушкиных мелодрам. Обычно

такой сериал назывался *Материнское сердце*, *Когда мать плачет* или опять же — *Поговори со мною, мама*.

Эта самая мать из мелодрамы жертвовала собой ради дочери. Она работала на износ на заводе и отдавала всё, что у неё было, чтобы её доченька ни в чём себе не отказывала. Я всегда рыдала в моменты, когда мать продавала украшения, которые ей подарила любовь всей её жизни, чтобы купить дочери новый телефон, а та даже не говорила спасибо. Потом дочь уезжала из деревни в мегаполис, переставала навещать маму, иногда даже врала о её смерти своим любовникам в дорогих костюмах. В конце мать попадала в беду или даже в самом деле умирала, а дочь приходила раскаиваться. Но было уже слишком поздно. Бывало, что мать оказывалась не родной, а приёмной. От этого дочери делалось ещё больнее. Её настоящей матери — богатой аристократке — она была не нужна. И мать-работяга по собственной воле вырастила её как свою.

После возвращения из школы мама уже не казалась мне святой героиней из бабушкиного сериала. Она больше походила на Дашу Букину — а я ненавидела Дашу Букину. От её ярко-рыжих волос на блестящей фиолетовой одежде болели глаза.

Я приходила голодная: часто не ела даже ту еду, которую мама клала мне с собой, потому что боялась, что еда останется в зубах, испачкает руки и будет пахнуть. Да и вообще за время в школе с моим мозгом происходило всё то же самое, что и с логотипом в заставке Nickelodeon: его мяли, пинали, дырявили стрелой — и так до бесконечности, как будто видео поставили на повтор. Мне казалось, что если я напрягу голову ещё немножко, чтобы выслушать маму, череп лопнет и оранжевые капли разлетятся по стенам.

От вопросов про мои дела в школе хотелось зажмуриться. Если я рассказывала правду, мама потом подводила итоги. По ним я оказывалась виноватой во всём, что со мной случилось. Учителя ругались на меня не просто так. Это я была невнимательной и забывала делать домашнее

здание. В классе со мной не дружили не потому, что все были плохими. Это я избегала общих разговоров и грубила одноклассникам, когда меня пытались затащить в спортивные игры.

Поэтому обычно я говорила: *дела никак*. Маму это очень расстраивало. Она жаловалась, что хотела родить себе подружку, а меня даже спросить ни о чём нельзя. В этот момент я становилась крошечной чёрной чернушкой из *Унесённых призраками*. Её конечности-ниточки подкашивались из-за тяжелой ноши — куска угля, и он её раздавливал. Я просила маму перестать разговаривать со мной, это её злило, мы кричали друг на друга. Она уходила в большую комнату, хлопала дверью, включала песню *Поговори со мною, мама* Валентины Толкуновой и громко плакала. Иногда в процессе прослушивания она приходила к новой мысли и возвращалась мне её сказать. Например, что *с такой мной никто не будет дружить* и непонятно, как Лиза меня терпит. Мальчикам тоже не нравятся такие девочки. Их привлекают улыбчивые и открытые — как Лиза или одна из Стелл.

Маму радовало, что Дима и Илюша любили играть со мной. Для неё они были практически моими парнями. Но постепенно эти две истории уходили в прошлое, а новых друзей-мальчиков у меня так и не появилось.

Если бы у нас с Кедиками всё сложилось, мы могли бы валяться с мамой на диване и обсуждать, как там дела у меня и моего парня. Она бы делилась новостями про своего мужчину. Я бы обязательно лежала на животе и болтала ногами. У нас так было всего один раз. Мама тогда рассказала, что такое месячные и в каком возрасте у неё был первый секс. Это по моей вине мы больше не говорили по душам.

Вечером мама уходила на свидания. Когда она возвращалась домой в одиннадцать вечера, её глаза были наполовину закрыты от усталости. Я же, наоборот, уже обдумала своё поведение и раскаялась в нём. Я побыла одна, поела, поиграла в компьютер. Иногда у меня возникали идеи насчёт того, что мы можем обсудить, и я повторяла их про себя, чтобы не забыть. Но мама заползала в свою комнату, ложилась

на диван, включала *Дом-2* и засыпала всего через пару минут.

ГЛАВА 10

Я лежала и слушала, что Лиза отвечала моему наверное-будущему-парню. Ждала, когда она узнает, нравлюсь ли я ему, но она не спросила. Наверное, ещё слишком рано о таком говорить. Если они созвонятся снова, можно уже будет переходить к самому главному.

Наконец-то Лиза хлопнула раскладушкой. Кедики видел нас в коридорах и помнит меня как девочку с йо-йо.

Мама купила мне эту штуку в *Детском мире*, и она оказалась бракованная. Игрушка разматывалась, свисала и больше не возвращалась в руку, сколько бы я не дёргала. Я брала её пару раз в школу, но даже когда точь-в-точь повторяла всё за мальчиками, которые умели делать комбинации с трапецией, мой йо-йо не работал. В передаче *Галилео* рассказывали, что именно за умение возвращаться в руку эта штука и получила свое название. Йо-йо на одном из филиппинских наречий означает *вернись, вернись* или *иди сюда*.

Что Кедики подумал, когда увидел, как я мучаюсь с игрушкой? Я облизала губы и почувствовала, что у меня начал зарождаться новый герпес на губе. Его нельзя трогать, иначе он разрастётся на всё лицо. Но я продолжила надавливать на больное место языком. Лиза больше ничего интересного не рассказала. О чём они так долго болтали — непонятно.

На следующий день мы проходили мимо 6Г и Кедиков среди его одноклассников не разглядели. Я вздохнула с облегчением, потому что от губы до середины щеки растянулась болячка. Я немножко её покусывала в надежде, что в момент покусывания ранку не будет видно. Герпес напоминал мне живой организм. Я представляла его в разрезе, как картинку с грибом из учебника по биологии. Когда я надавливала на болячку зубами, то как будто делала больно герпесу, а не себе.

Я размышляла: что вообще делает людей привлекательными? У Стеллы бородавки на руках, и всё равно у неё есть парень, который бросает её дома на кровать и целует взасос — я сама слышала,

как она это рассказывала другой, менее популярной среди мальчиков, Стелле. Но она красиво танцует и умеет садиться на шпагат — может, дело в этом.

Вот в онлайн-игре *Шарарам* всё было понятно. Там ты создаешь смешариков и играешь за них с другими детьми. Однажды на пляже *Лазурный* одна девочка шутила в чате со своей подружкой. У них появлялись пузырики с тем, что они говорили, и это было похоже на настоящую беседу. Я стояла рядом и подслушивала. Надеялась влезть с остроумным комментарием и подружиться с ними, а потом с одной из них поиграть в *Секретики*. Это мини-игра похожа на морской бой, только вместо кораблей — ракушки. Для нее нужен живой соперник. И тут девочка написала:

скажи свой пароль)))

А ее подружка ответила:

Angelica123)))

Я вышла из своего профиля, ввела ник той девочки — её звали Angel_1999 — и вошла в игру под

её именем. В настройках сменила пароль на *Lohushka123*.

Эта девочка покупала одежду своему смешарику за реальные деньги. Когда я исследовала её роскошный гардероб и подобрала новый — более стильный — образ, все игроки сразу захотели со мной дружить. Мальчики начали предлагать встречаться. Все эти люди в основном были в бесплатных нарядах, поэтому я и вызывала у них восхищение. Я собрала компанию из смешариков, стала среди них главной и управляла ими, как своими питомцами. Они следовали за мной из одной локации в другую и выстраивались в очередь, чтобы поиграть со мной в *Секретики*.

Через несколько дней ко мне подошел новенький смешарик с базовой рыжей прической, которую дают в начале при регистрации. Я подумала, что это очередной фанат моих денег. Но потом обратила внимание на имя. *Angel_2000*. Я быстро сложила два и два.

Анжелика стала умолять меня вернуть ей аккаунт. Она не злилась — возможно, даже плакала,

пока писала эти сообщения. Она сказала, что ей очень важно воссоединиться со своим смешариком, потому что она играет за него уже целый год.

Я сжалилась и написала ей в личку новый пароль. Через минуту зашла со своего старого профиля. Когда я подбежала к своим друзьям и моему парню, они отказались со мной разговаривать — бесплатный смешарик был неинтересным другом и любовным интересом. Они больше ни разу не ответили на мои сообщения. Только когда в локацию вернулась настоящая Angel_1999 — уже снова в своем безвкусном прикиде — над их головами появились пузырики. Мои друзья и парень спросили, могут ли они теперь ходить с Анжеликой. Она сказала да. Я осталась одна. Вернись, вернись. Иди сюда.

Но как стать Angel_1999 в реальной жизни? В ней мы все покупаем вещи за реальные деньги, а не носим бесплатное. Но дорогая одежда ничего не обещает. Мама постоянно называла цены за платья, туфли, клатчи разных женщин, которые попадались нам на глаза. Это были очень большие суммы и уродливые вещи. У меня всё было недорогое, но со

вкусом. Например, фиолетовая футболка с хомяком и надписью belly на животе.

Я как раз её и надела в тот день, чтобы отвлечь внимание от лица. Лиза схватила меня за руку и утащила за угол. Она спросила: ты слышала, что он сказал? Я покачала головой: не поняла, о ком речь. Лиза закатила глаза и объяснила. Когда мы проходили мимо 6Г, там был Йося. Я его, конечно, не заметила. А вот он увидел нас и крикнул что-то про звонки и телефон. Кедики наверняка ему всё рассказал. Я не слышала никаких криков, но Лиза была уверена: Йося и Кедики обсуждают нас. Это все реально происходило! Мы с Лизой — лучшие подруги — будем встречаться с лучшими друзьями, Кедиками и Йосей... Я захихикала и почувствовала, как нагреваются мои щеки. Уже прозвенел звонок, но мы всё равно побежали в наши классы по далёкому пути, чтобы ещё раз показаться на глаза 6Г.

В *Галилео* рассказывали, что игрушкой йо-йо было не всегда. Раньше филиппинские аборигены использовали его как оружие. Они прятались на деревьях, и когда зверь проходил мимо, бросали на

него каменное йо-йо. Я так и не научилась играть с этой штукой. Но Кедики всё равно запомнил меня как девочку с йо-йо. Он заметил меня. Попался, как филиппинское животное.

ГЛАВА 11

Вечером я добавила Кедиков в друзья. Он сразу же принял заявку. Я подождала десять минут — писать первым он не стал. Тогда я взяла дело в свои руки:

прив) как дела?

Он ответил почти сразу.

норм) а ты какая из девочек на аве?

Я перешла на свою страницу и посмотрела на аватарку так, будто видела её впервые. На фотографии были мы с Лизой. Я сняла нас на мыльницу, когда мы забрались на грязную снежную гору во дворе. Лиза была в моей шапке — с кошечкой, которую обрамляли блёстки. Мы обе высунули языки в сторону друг друга, будто они вот-вот соприкоснутся.

я справа

Кедики прочитал и замолчал. Я представила его в этот момент. Незастеленная односпальная кровать с синим постельным бельем и встроенными ящиками, откуда торчат вещи. На полу — открытый рюкзак. На подоконнике сидит кот. Лиза говорила, что Кедики похож на кота, значит он наверняка кошатник. Над компьютером висит переполненная полка, на которую впихнуты все учебники и тетрадки. На карнизе закреплена разноцветная гирлянда, потому что родители Кедиков уже украсили дом к Новому году. Лицо Кедиков освещено только монитором компьютера и медленно меняющимися цвет огоньками. Он вглядывается в мою аватарку и принимает решение.

понятно)

Я пошла на кухню и разогрела в микроволновке макароны с куриными ножками. Две минуты я смотрела на машину маминого парня во дворе. Как только микроволновка звякнула и замолчала, из лады вышли мама и её мужчина. Они зашагали по свежему снегу в сторону нашего подъезда. Я захлопнула

микроволновку. *Пилик-пилик*. Это значит, что мама открыла дверь подъезда ключом. Снаружи остались следы только в одну сторону.

Я поставила еду на стол, села, но есть не начала. Мама попыталась открыть входную дверь, а потом застучала по ручке. Если я не открою, они никак не смогут войти. Этим мне нравилась наша дверь. Я побежала в коридор и потянула за холодную щеколду. Сразу посмотрела за мамину спину. Там стояла человеческая версия Норберта из *Крутых бобров*. Он каким-то образом оказался в квартире быстрее мамы. Она сказала, что Серёже нужно зайти по делам. Тот сбросил тимберленды, вбежал в туалет и, судя по звукам, поднял стульчак и начал писать.

Я вернулась на кухню, села за стол и положила в рот пару полухолодных макаронин. Когда Серёжа вышел из туалета, мама извинилась перед ним за нашу ванную — в ней не было ремонта. Он взял её за руку: просунул между пальцев её пальцы. Я никогда не видела, чтобы маму так кто-то держал. Она спросила: ничего, если Сережа останется ненадолго? Я пожала плечами, и они исчезли за закрытой дверью

в большой комнате. Мама включила телевизор и прибавила громкость.

Я доела и вернулась к себе. Кедики был онлайн, но больше ничего не написал.

Когда папа раньше заглядывал в гости, он тоже всегда общался только с мамой. Но они не уходили в комнату, а оставались на кухне. Я любила приходить попозже: когда папа уже доел и они перешли к водочке. На столе всегда были огурчики, картошечка, колбаска — её папа приносил вместе с бутылкой. Все эти закуски легко было поджечь, пока папа рассказывал, как у него что-то украли на стоянке, или трогал мои волосы грязными руками и приговаривал, что они точно такие же, как у деда Коли. Дедушка умер задолго до моего рождения, и это было единственное, что я знала про него. Как и нового бойфренда мамы, папу тоже звали Серёжей, но мама называла его Серж или по фамилии. Как будто всегда над ним подтрунивала.

Новый Серёжа оказался женатым таксистом. Его жена *совсем себя забросила* и *глаза у неё потухли*, как у нашей родственницы, тёти Любы. Поэтому

Серёжа теперь *дружит* с моей мамой. Бабушке, конечно, знать нельзя, что у Сережи есть жена. Она наверняка будет говорить, что он никогда не разведётся, потому что такие мужчины не уходят к любовницам. Но у мамы и Серёжи *всё будет по-другому*, потому что он уже много лет не спит со своей женой.

Я вспомнила, как подслушала разговор мамы с одной из клиенток — хозяйкой шарпея. Женщина рассказывала, что, когда её предыдущая собака умерла, она ездила к заводчику шарпеев, леглась на пол и давала щенкам ползать по ней, кусаться, какать и писать на неё. Она плакала, но никогда не была счастливее. После этой истории я подумала, что хочу шарпея. Потом она спросила маму, сколько времени она не занималась сексом после расставания с моим отцом. Я не услышала, сколько. Видимо, потому что мама показала на пальцах, но за этим сразу последовал удивленный смешок. Клиентка спросила, как она справлялась. Я представила, как мама пожимает плечами. Тогда клиентка сказала:

понятно, *тихо-тихо, сам с собою, играю я своей рукою.*

Через пару месяцев после этого разговора мама начала встречаться с Серёжей. Я представила жену Серёжи — с потухшими глазами и без какого-либо интереса к сексу с Сережей. В моём воображении она всегда сидела на кухне. Ждала, когда что-нибудь сварится, и не думала ни о чём.

ГЛАВА 12

Я ничего не рассказала Лизе про сообщения Кедиков. Мне не до конца было понятно, что произошло и почему произошло именно так — и меня начинало тошнить от одной мысли об этом всём. Я надеялась, что Лиза больше никогда не предложит ему позвонить.

Её отношения с Йосей никуда не двигались. Самый близкий их контакт случился, когда он пробирался вперёд в очереди в столовой. Йося приобнял Лизу за плечи и спросил, может ли он купить булку первым, потому что на математику к Вере Витальевне нельзя опаздывать. После этого подруга выглядела так, будто только вышла с аттракциона на День города. На одном из них мы катались вместе. В нём было всего два сидения — и для поездки всегда нужна была пара. Аттракцион сначала раскачивался, как обычные качели, потом начинал делать *солнышко* и крутиться вокруг своей оси. На аттракционе, с которого вышла Лиза после того случая в столовой, я ещё не ездила.

Лиза была не из тех, кто всем желает добра. В основном она фокусировалась на том, как получить выгоду для себя — конечно, если дело не касалось бродячих животных, но это другое. Поэтому она мне и нравилась. Я чувствовала себя неловко рядом с людьми, которые слишком заботились обо мне и моих чувствах. Как и Лиза, я не могла и не хотела давать им ничего взамен. Рядом с ней я могла быть собой.

Вот почему я не ожидала, что Лиза вдруг решит помочь мне завести парня. Ведь сначала должна была поцеловаться она, а потом уже я. Мы никогда это не обсуждали, но я догадывалась, что план именно такой. Я удивилась, когда Лиза сама предложила написать Кедикам, а потом болтала с ним обо мне. Что-то во всей этой истории было нечисто. Когда она снова об этом заговорила, я сказала, что не хочу, чтобы она ему писала. Лиза ответила окей, — и мы продолжили молча смотреть *Войну невест*, держа трубки домашних телефонов около ушей. Я чувствовала, что сейчас произойдёт. Прямо как колонка, которая начинала шуршать за пару секунд до. Заиграл рингтон.

Наверняка он звонит, потому что она понравилась ему на фотографии, и теперь хочет познакомиться с ней поближе. Отвечать ему или нет, Лиза дала решить мне. Я сказала нет. Но Лиза зашептала, что она случайно нажала не ту кнопку, а потом заговорила с Кедиками. Она сделала вид, что не поняла, кто ей звонит. Наверное, чтобы он не подумал, что Лиза ждала. Я скривила лицо в беззвучном рыдании, но не смогла заплакать. Стала ходить по пустой квартире туда-обратно. Свет горел только в большой комнате, а кухню освещали фонари с улицы. Я погружалась в темноту, а потом возвращалась на свет. Мне казалось, что я никогда не смогу понять искусство общения с мальчиками. Лиза не добавляла в друзья Йосю, она ждала, когда он сам это сделает. У меня не хватало терпения. Я всегда первая говорила привет.

Когда их разговор закончился, я спросила, о чём они так долго болтали. Лиза ответила, что не расскажет, потому что я всё равно больше не интересуюсь Кедиками. Я замолчала на пару секунд,

а потом со странной, слишком высокой интонацией повторила вопрос.

Когда я злилась, вытягивала подбородок вперед и пыталась соединить два передних зуба на верхней челюсти и два передних на нижней. Из-за моего прикуса они не совпадали, поэтому издавали мерзкое скрежетание. Во время ссор Лиза отходила от темы и спрашивала, зачем я делаю это со своими зубами. Это бесило меня ещё сильнее.

Когда злилась Лиза, она улыбалась одними губами. Они становились тонкими и белыми. Я не видела её, но знала, что она не улыбалась. Для неё ничего особенного не происходило — она просто меня подкалывала.

Лиза рассказала, что Кедики заболел ангиной, поэтому лежит дома. Добавила, что голос у него был смешной — севший. Ему скучно одному, и в компьютер играть надоело, поэтому он решил позвонить. Спрашивал, как у меня дела.

Моя кожа будто стала толще и в то же время легче, как матрас для плавания, который я не умела надувать.

Я сказала, что писала Кедикам вчера. Лиза притихла. Потом спросила: и что? Я почувствовала, как меняет форму её рот. Занервничала, как перед учительницей, которой ответила слишком дерзко. Ничего, — быстро сказала я. Просто спросила как дела.

ГЛАВА 13

Я, как военные из папиных фильмов, просыпалась даже от мысли другого человека о том, чтобы войти в мою комнату. Как же я мечтала о щеколде — но мне бы даже подошел замочек, который обычно встроен в новые дверные ручки. Его в теории можно открыть с другой стороны. У Лизы дома был такой, и она не давала мне спокойно пописать, всегда заглядывала ко мне с ножом в руке. Но процесс вскрытия замка дал бы мне время, чтобы настроиться на общение. Это как в лесу: лучше спать в палатке, хотя если нападёт медведь, она не спасет.

Но мама не считала себя медведем. Она отказывалась ставить замки на двери, потому что *между нами не могло быть секретов*. И тем утром она зашла ко мне не одна, как обычно, а вместе с Серёжей. Они сразу присели на краешек разложенного дивана. На пару секунд у меня заложило уши от ужаса, и я под одеялом проверила, в чём сегодня сплю. Мне повезло: я осталась в длинной футболке, в которой обычно хожу дома.

Оказалось, было уже полпервого и они решили, что мне пора просыпаться. Я вылезла из-под одеяла и села по-турецки, сложив низ длинной футболки у себя между ног, чтобы прикрыть не самые свежие трусы. Мама и Серёжа обсуждали новогодние каникулы. Можно съездить на остров на Барских прудах и покататься с горки на ледянке. Можно поехать в Москву и погулять на Красной площади, полюбоваться праздничными украшениями в честь Нового 2010-го года. Можно пойти в кино и посмотреть *Чёрную молнию* — долгожданный фильм про летающую машину, который выйдет 31 декабря. Все эти планы учитывали и меня.

Мама была в странном платье — оно никогда мне не нравилось. Слишком короткое. Под грудью у него была завязочка, и платье по-детски надувалось. Из-за этого мама походила на близнецов Фила и Лил ДеВилл из мультфильма *Ох уж эти детки*. Я ткнула её в живот, и палец приятно отпрыгнул. Я продолжила так делать и услышала, как Серёжа засмеялся. Меня это поддержало — ему тоже не нравится платье. Может, это начало нашей с ним дружбы? Со всеми

людьми, которых я действительно считала друзьями, у нас были вещи, которые казались смешными только нам двоим.

Я улыбнулась и посмотрела на Серёжу. Он показал пальцем на мою ногу и попросил поделаться так ещё. Я не поняла, причем тут моя нога, подумала, что он всё перепутал, и ткнула маму в живот последние пару раз. Он захохотал и сказал:

Когда ты так двигаешься, твоя нога трясётся, как холодец.

ГЛАВА 14

Целую неделю мы с Лизой не заговаривали о звонках Кедиков, как будто их никогда и не было. За несколько дней до предновогодней дискотеки я подумала, что было бы здорово, чтобы меня пригласили на медляк. Лиза уже танцевала — в лагере, на смене, когда меня не было.

Если бы Кедики меня пригласил, мы бы провели все новогодние каникулы вместе. Сейчас самое время начать отношения — всего через пару месяцев будет слишком тепло для этого. Мне казалась правильной любовь на холоде. Щёки и уши охлаждались, пот на руках замерзал, пуховики создавали нужную дистанцию.

Я наблюдала за одноклассниками в школьном дворе. Они кидались в девочек снегом, а потом бежали за ними и валили в сугроб. В меня тоже попадали снежки, но у меня не получалось вступить в игру. И дело было даже не в том, что мои ответные снаряды летели слишком медленно и разваливались

по пути. Или что я быстро уставала и никого не могла догнать. Меня путало другое.

Во время игры в снежки было больно, мокро и холодно, а мальчики часто портили чужие вещи и говорили гадости. Иногда это выглядело как веселье — некоторые мои одноклассницы хохотали и делали это всё в ответ. Но бывало девочки — и некоторые мальчики тоже — рыдали, не прикрывая лица. Можно было видеть, как слезы каплют на одежду и слюни растягиваются на зубах. Могла прийти учительница или мама, у всех начинались проблемы.

Я смотрела на игру и думала: это уже издевательство или ещё развлечение? Мне нужно было время, чтобы проанализировать детали. Но если остановиться для размышлений слишком надолго, закидают снежками, и снег попадет за шиворот. Самый выигрышный вариант — это просто быстро уйти домой и не оглядываться.

С Кедиками я буду знать наверняка, что он не хочет меня обидеть. Смогу поиграть в снежки. Свалю его в сугроб. Потрогаю его плечи через куртку, надену его шапку. Я смогу столько всего понять. Наконец-то я

смогу взять столько времени, сколько мне нужно. Я разберусь.

Мой единственный понятный канал общения с Кедиками закрылся — Лиза перестала со мной созваниваться. Сначала она не отвечала на домашний, а потом сказала словами своей мамы, что *мы хотя бы иногда должны существовать по отдельности*. Это ощущалось, как смявшаяся подошва в моих зимних ботинках. Я решилась пойти через непонятный и неприятный канал — и снова написала Кедикам.

привет) позвони лизке

Лиза удивится и захочет со мной этим поделиться. Всё вернется к тому, как было. Он вспомнит обо мне — и может, ему в голову даже придет пригласить меня на танец в пятницу. Кедики ответил меньше чем через минуту.

чего?

позвони лизке как раньше звонил

у тя ж есть номер?

Кедики что-то долго печатал, но сообщение пришло короткое.

иди нахуй

На дискотеке он танцевал со своей одноклассницей Лерой.

ГЛАВА 15

Мы отмечали Новый год с моей крёстной — тётей Ирой — и её семьей. В нашей компании почти все были по парам.

Тётя Ира следила за тем, как дядя Киса пил водку. Это было похоже на игру в *Tower Bloxx*. Рюмки падали одна за другой, как этажи на экране телефона, и тёте Ире надо было реагировать всё быстрее, потому что бонусные очки сгорали, если замешкаться. Она говорила: *эту, ещё одну — и всё*. Или: *ты мало ешь и много пьёшь*. Сначала дядя Киса корчил рожи, пел *Владимирский централ*, хватал тётю Иру за попу и танцевал медляк сам с собой. Говорил вещи вроде: *берегись пизда и срака, едет фрязинский ебака*.

Иногда в игре случались кризисы, и этажи как будто специально переставали попадать друг на друга или приземлялись на самый краешек — что ещё хуже. После одной из рюмок дядя Киса возвращался за стол и до самого развоза по домам

горбился над недоеденным мясом, раз в несколько минут называя жену бегемотихой.

Тётя Ира в конце вечера театрально пускала слезу и говорила, что выбрала дядю Кису только потому, что у него *симпатичная рожа* и с ним получился красивый ребенок.

Всё это всегда происходило дома у тёти Тамары, сестры тёти Иры. Интересно, что мы никогда не говорили у тёти Тамары и дяди Валеры, хотя он всегда там был.

Про дядю Валеру я знала больше, чем про тётю Тамару. Он любил сладенькое и обычно был единственным, кто по-настоящему ждал торт с чаем в конце банкета. Дядя Валера раньше очень много пил — об этом любили вспоминать. Однажды он, пьяный, забаррикадировался в квартире, никого не узнавал и не впускал. Дядя Валера краснел и посмеивался, когда дядя Киса рассказывал эту историю. После того дня он закодировался — и построил дом и баню практически в одиночку. За это обычно поднимали тост.

Но главой их семьи всё равно была тётя Тамара. У неё было всего две эмоции, и их хватало, чтобы поставить точку в любом разговоре. Первая: *Да уж*. Она говорила это на историю про баррикаду. После *да уж* дядя Валера переставал улыбаться и смотреть кому-либо в глаза. Вторая эмоция тети Тамары: короткое *Ага*, сказанное чуть свысока, словно мачехой Золушки. Эту эмоцию тётя Тамара высказывала на все комплименты их дому. Это означало, что дяде Валере не стоит зазнаваться. Ему много над чем ещё предстоит поработать. Дядя Валера тихонько кивал.

Дядя Киса был громким, как футбольная кричалка не к месту, тётя Ира — как свистящее слово *скотина*. Дядя Валера был тихим, как наливание вишневого сока в стакан, тетя Тамара — как накладывание кальмарового салата в тарелку мужа. Я была поеданием маслин с общего блюда.

Всё, что эти две пары знали про меня, касалось Вики — дочери тети Иры. Она была моей парой.

Мама очень хотела, чтобы я была похожа на Вику. Но мы совпадали только в двух вещах. Первое:

после *Цезаря* в моей тарелке оставался полукруг из черри, а у Вики — горка. Мы обе не любили помидоры. Второе: я была отличницей, и Вика тоже в конце каждого учебного года получала похвальную грамоту. Ещё во времена детского сада мама готовила меня к тому, что я буду учиться так же хорошо, как дочка моей крёстной.

Гораздо больше у нас было отличий. Вика ездила на конкурсы по пианино и пела в домашнее караоке песню *Valerie* группы *Joy*. Я не закончила минимальный — четырёхлетний — курс фортепиано и стеснялась подпевать простым строчкам *Queen of my heart, queen of my soul*. А им подпевали даже те, кто не знал английский. То есть все в нашей компании. Моим главным увлечением было чтение. Вика же совсем не любила книги, её прямо заставляли их открывать.

В общем, мы с Викой быстро поняли, что слишком разные, и схлопнули наше едва начавшееся соревнование. Пока Вика пела, я читала, — никто не был лучше или хуже. Правда, я боялась, что если не смогу закончить пятый класс на одни пятерки, то

равновесие нарушится. Но пока соперничество продолжалось только на уровне наших мам.

Например, мама жаловалась, что тётя Ира повторяет за нами и покупает Вике такие же вещи, как у меня. Но у нас дома продолжали регулярно проходить показы мод. Тётя Ира приходила в гости, и мне нужно было примерить всё, что она ещё не видела. По выражению лица крёстной сложно было понять, что ей понравилось. Потом мы встречали на автобусной остановке Вику в точно таком же красном пальто, как у меня. Так мы узнавали, что тетя Ира одобрила, а что — нет.

Единственной без пары в нашей компании была моя мама. Она была на замене. Из-за того что дядя Валера больше не пил, она вставала в пару с дядей Кисой. Он называл её алкосестра, а она его — алкобрат. Когда он выбывал, мама становилась парой тёте Ире, и они хвастались друг другу своими дочерьми или жаловались на мужчин.

Когда-то мой папа тоже приходил отмечать Новый год к тёте Тамаре. Но я не помню ни одного такого праздника. На старой фотографии на фоне

телевизора с включённым *Голубым огоньком* у моих родителей очень грустные лица. Я думаю, мама повторяла за тётей Ирой и следила за тем, сколько папа пьет. Она тоже проигрывала в *Tower Bloxxx*.

Мама никогда не была наравне с другими. У неё не было пары, и каждый год она писала на бумажке одно из этих желаний: *встретить мужчину, найти любовь, выйти замуж*. Она всегда говорила, что у неё предчувствие: в следующем году она точно скажет *да*. Именно этого ей и желали на все праздники. Я догадывалась, о чём моя мама думала, когда Дмитрий Медведев говорил в предновогодней речи: *Новый год — это новый шанс. И мы не должны упустить его. И успех наших действий зависит от каждого из нас*.

Но в этом году темы маминой мечты не касались. Все знали, что Серёжа женат. Это значило, что прямо сейчас он говорил *да*, когда его жена спрашивала, наложить ли ему ещё оливье.

Когда дядя Киса переставал быть, как говорила моя мама, *в ударе*, мы с Викой уходили в спальню тёти Тамары и дяди Валеры. Это было наше таинство

— никто его никогда не комментировал, и мы чувствовали, когда уже можно, а когда ещё рано. Мы ложились на кровать и разговаривали обо всём, что произошло за этот год.

Я поделилась с Викой, что мне нравится мальчик, и она рассказала про свою подругу Диану, которая вешалась на её одноклассника Антона. Он нравился всем без исключения, но Вике казался совсем неинтересным — чересчур много шутил и лицо у него было *слишком идеальное*.

Вика пригласила всех своих одноклассников на дачу. Они отмечали её день рождения без взрослых первый раз в жизни. Конечно, всё зашло слишком далеко. В разгар вечера все гости свалились в кучу прямо на земле. Я не поняла, почему они так сделали, но наверняка эту игру начали мальчики. И внезапно Вика почувствовала, как расстёгивается её ширинка. Она испугалась, закричала и выбралась из кучи. Меня очень заинтересовал этот момент. Поэтому, *как* она это рассказывала, я уловила: это Антон расстёгивал её ширинку. Чего он хотел добиться?

Но Вика не углублялась. Мы остались на этапе обсуждения ширинки, но не того, что она за собой скрывала. Вика пришла к выводу, что у Антона был план: расстегнуть именно *Викину* ширинку. А Диана, как дурочка, всё равно потом пыталась усесться к нему на колени, просила донести её на руках до машины, и когда вернулась домой, сразу же написала Антону сообщение:

уже скучаешь по мне?

Антон показал это гостям, и все смеялись над Дианой.

По дороге домой, под мамин храп в машине дяди Валеры, я думала обо всём, что слышала. Вика никак не выражала симпатии к Антону, и именно поэтому он заинтересовался её ширинкой. Она как Лиза. Не делала первых шагов. Я — как Диана.

уже скучаешь по мне?

Мальчики, получается, — дикие лошади, которых надо приручать. Но не как Спирита — их нельзя привязывать к столбу на три дня без пищи и воды,

чтобы сломить их характер. Это нужно сделать с помощью хитрости. Зато потом с ними можно вытворять всё, что захочешь — прямо как тётки Ира и Тамара со своими мужьями. Дяди Киса и Валера пытались брыкаться, но всё равно оставались в их власти.

Как жаль, что я не умею обманывать. И моя мама тоже.

ГЛАВА 16

Сережа пришёл к нам домой второго января и впервые в жизни остался с ночёвкой. Я долго не могла уснуть. Чувствовала, будто теперь у нас меньше места в квартире и от этого стало труднее дышать.

Кто-то встал с дивана. Не мама — она всегда быстро топала. Она услышала в детстве, как врач сказала бабушке: если ребенок ходит на цыпочках, это признак чего-то очень плохого. *Это всё, капец.* Думаю, после этого она стала с особым нажимом наступать на пятки.

Значит, это шёл Сережа. Он двигался медленно, дёргано, как будто всё время начинал бежать раньше свистка на физкультуре и ему приходилось возвращаться за красную линию. Потом раздался тупой удар, *ай блять* и грохот, словно упал шкаф или холодильник. Послышался мамин топот. В зазоре под дверью загорелся свет.

Утром мама вместо обычного доброго утра спросила с упрёком: *это ты не закрыла дверь в*

ванную? Я не помню, чтобы у нас было правило, которое касалось бы двери в ванную. На моём месте на кухне сидел Серёжа. У него от переносицы до середины щеки налипла, как слизняк, страшная красная ссадина. Глаза у него были странные — он смотрел куда-то ниже лица. На столе перед ним стояла целая чашка кофе с молоком, рядом лежала на фольге откусанная долька шоколада *Вдохновение*. Он явно не собирался больше прикасаться ни к тому, ни к другому.

Серёжа ходил блевать целый день. Дверь в ванную теперь всегда была закрыта, и за ней раздавались Серёжины стоны. Он не умел выташнить беззвучно, как мой папа. Каждый раз, когда к горлу подходила рвота, он помогал ей жалобным рёвом бобра. Я бы подумала, всё это с ним происходит из-за удара дверью, если бы не видела такого раньше.

Серёжа спросил меня, не против ли я, что он останется с нами ещё на пару дней, и извинился за то, что мне приходится всё это слышать. Я сказала: *ничего*. Мне понравилось, что он поговорил со мной

по-взрослому. Возможно, после удара о дверь Серёжа понял, что со мной лучше быть поласковее. Я подумала, что, может, теперь он останется с нами навсегда.

Мама купила большую пачку семечек *от Мартина* и напитки: мне — лимонад *Крем-сода*, а себе — пол-литра пива. Она всегда так делала на каникулах. Наши напитки были похожи по цвету, поэтому казалось, будто мы пьём одно и то же. Но Серёжа сказал, что это противно — *лузгать семки*. *Только быдло это делает или голуби*. Мама захихикала: *что-то ей взбрело в голову полакомиться, и вот решила купить*. Она оставила целую пачку мне. Это очень много семечек, и я одновременно и злилась на Серёжу за его слова, и радовалась, что всё так вышло. Мне было без разницы — пусть думает, что я быдло из *Даёшь молодежь* или голубь, который переносит птичий грипп.

Ещё до того как я открыла лимонад, Серёжа выпил мамино пиво. Я сидела за столом в большой комнате, грызла семечки и смотрела *Гринча* —

похитителя Рождества. У меня болела голова то ли от щёлканья зубами, то ли от причёски главной героини. Серёжа притих на диване, а потом резко встал, рванул в сторону коридора и упал на четвереньки.

Мама только начала работать. К ней пришли две клиентки, подружки, которые вместе собрались поехать в Тайланд, а значит маме надо было сделать два маникюра и два педикюра. Раз в несколько минут квартиру наполнял хохот — женщины пришли с шампанским, всем было очень весело и в целом всё равно на то, какими выйдут ногти. Они записались именно к моей маме, потому что перед отпуском обязательно *надо* делать маникюр, а мама никогда не брала себе полноценные каникулы и с ней было очень смешно. Но праздничное настроение кончилось, когда они заметили, что в коридор вползает Серёжа.

Клиентки замолчали, как будто и не было всей этой болтовни. Маме пришлось тащить его до туалета. Ещё два человека услышали Серёжин блевотный рёв. Потом мама помогла ему вернуться

на диван. Она открыла форточку — и я понадеялась про себя, что это всё закончится, когда выветрится запах.

Вернувшись к работе, мама включила радио. Заиграла песня Ньюси — *Выбирать чудо*. Теперь с кухни до нас доносился только редкий неразличимый шёпот.

В фильме Гринч уже приступил к похищению огоньков, ёлочных игрушек и подарков, когда Серёжа позвал меня по имени. Я вздрогнула — подумала, что ему снова стало плохо. Но он выглядел расслабленным и сонным.

Серёжа спросил, почему я не лягу к нему. На стуле, наверное, неудобно смотреть фильм. Я сказала, что мне нормально и так. Он приглашающе постучал рукой по дивану. Я покачала головой. Тогда он громко сказал *Оль*, и я испугалась, что маме снова придётся отвлечься от работы. Эти клиентки, наверное, и так к нам больше не придут, а если мама не сможет закончить маникюр и педикюр, то ещё и не заплатят. Я быстро встала и пошла к Серёже.

Мне не было видно его лица, потому что легла на бок и повернулась к нему спиной. Кажется, он был доволен, потому что больше ничего не говорил. Фильм кончился, а я так и не поняла, чем. Начались 6 кадров, но пульт был на столе, и я не хотела вставать и нарушать покой Серёжи.

Из форточки подуло. Было холодно — минус пятнадцать точно. Я была в ночнушке по колено. Мама купила её на рынке, и она идеально подходила для дома. Ночнушка выглядела как домашнее платье, и в ней удобно было и сидеть, и лежать, и к клиенткам можно было выйти без стеснения. Я содрогнулась от сквозняка. Серёжа обнял меня со спины и прижался ко мне всем своим телом. Я почувствовала задней поверхностью ноги его ледяное волосатое бедро.

Он был в трусах-семейниках и футболке. Все моё внимание сосредоточилось на месте, которым Серёжа прикасался к моей попе. У него там как будто что-то чесалось, и он ёрзал сначала немножко, а потом всё сильнее и сильнее. Пытался почесать об меня, но у него не получалось. Серёжа крепко

прижимал меня, держась за плечо, на котором я лежала. В мою десну впилась острая шелуха от семечки, и я пыталась достать её языком.

В комнату зашла мама и остановилась в дверях. Сережа не сразу её заметил, но как только увидел, резко убрал с меня руку и перестал шевелиться.

Мама попросила Серёжу подойти к ней. Он с трудом поднялся и неровно двинулся в её сторону. Мама спрашивала его вещи вроде *как ты себя чувствуешь, Серёжа*, но она делала это не по-доброму. Я прошла через них в свою комнату.

Следующим утром Сережа ушёл, не попрощавшись со мной, и я больше никогда его не видела.

ГЛАВА 17

Я нашла девочку, с которой танцевал Кедики, у него в друзьях. Она назвала себя Лерка Лерка.

На аватарке у неё стояла длинная вертикальная фотография. Лерка Лерка сжимала губы в углу рта и показывала козу в школьном коридоре. Для фотосессии она выбрала обтягивающие светло-синие джинсы и футболку-поло. Лерка Лерка не показалась мне красивой. То ли у неё было слишком вытянутое туловище, то ли слишком короткие ноги. Волосы — грязные или настолько редкие, что казались грязными.

Как ответ на мои мысли, я прочитала её статус:

Ты можешь быть самым сочным персиком, но всегда найдётся человек, который ненавидит персики.

Я снова посмотрела на её фотографию. У Лерки Лерки была тонкая талия и спортивные ноги. Мне понравились её брови — широкие и изогнутые.

Любимые книги, телешоу и фильмы, блок о себе — ничего не заполнено. На стену она выложила только пару мрачных фотографий с рукой, трогаящей море, и песнями, которые я не знала.

Теперь я включала песни Лерки Лерки в наушниках, когда шла навстречу Лизе. Подруга всё чаще оставалась не у бабушки с дедушкой — в соседнем доме, а у мамы с отчимом — на другом конце города.

Лизина мама давала дочке задания. Записывала их аккуратным почерком на листе А4 и прикрепляла магнитом на холодильник.

1. *погладить все вещи, в том числе носки и трусы*
2. *приготовить обед — в идеале суп*
3. *помыть полы*
4. *постирать шторы*

Её мама объясняла свой подход к воспитанию так: нужно, чтобы ребенок всегда был занят, тогда он просто не успеет покурить, выпить пива или ругнуться матом. Так что когда Лиза жила у бабушки с

дедушкой, у неё становилось слишком много свободного времени. Она тратила его на просмотр *Animal Planet* и поедание сухариков.

Я спросила Лизу, почему она не скажет, что не будет это всё делать. Подруга посмотрела на меня так, как если бы резко сжала заднюю сторону моей шеи. Я не делала по дому ничего — мама от меня этого и не требовала, только иногда использовала мою беспомощность в ссоре. Лиза сказала, что её могут избить, если она плохо погладит вещи. Однажды мама сломала ей руку. Случайно! И до сих пор они вместе смеялись, когда вспоминали этот случай. Я не понимала, Лиза шутит или нет.

После школы я сразу садилась делать уроки, ждала немного и, когда Лиза писала *можешь выходить*, спешила одеваться. У меня сломалась молния на пуховике, — застёжка зацепилась за ткань, и я рванула её слишком сильно. Но не было смысла её чинить — уже февраль. Всего два месяца, и уже можно будет перейти на весенне-осеннюю куртку. Когда я выходила на улицу, вспоминала, что у меня прохудились ботинки, которые мама купила на

папины алименты — пять тысяч рублей — в декабре. Но холодно и мокро от просочившегося снега было всего несколько минут. Потом ноги переставали что-либо чувствовать и становилось нормально.

По плану мы встречались на полпути между нашими домами, у торгового центра *Копейка*. Но это была не совсем честная середина — всё-таки ближе к Лизе, чем ко мне. Я должна была дойти до дома своей бабушки — шестнадцатизэтажки с жёлтыми балконами, перейти дорогу на большом перекрестке, преодолеть дом с книжным магазином, дом-Универсам, затем снова перейти дорогу и ещё чуть-чуть пройти по парковке автостанции. Я знала все сложные повороты и места, где нужно притормозить или лучше, наоборот, разогнаться, чтобы успеть на зелёный свет светофора.

К пяти часам уже темнело. Я ходила от кур-гриль до фонтана и обратно. Ждала Лизу десять, пятнадцать, двадцать минут и слушала музыку.

Я представляла, что мы с Кедиками вместе поем одну из песен со странички Лерки Лерки на турслёте, который будет в конце мая. Турслёт обычно проходил

на поляне напротив туберкулёзной больницы. В моей фантазии был уже вечер, — ужасные соревнования вроде *Весёлых стартов* или перетягивания каната оставались позади. Все — то есть я, Лиза, Кедики, Лерка Лерка и учительница по географии, которая назвала меня коровой в первой четверти — уселись у костра. И у меня в руках внезапно оказывалась гитара и просыпался талант, который так и не расслышали в хоре.

Особенно мне нравилось мысленно пропевать место, где у мужского голоса одни строчки, а у женского — совсем другие, и потом они заканчивают песню вместе. В моей фантазии иногда женскую партию пела Лерка Лерка, и я понимала, почему Кедики влюбился в неё. Или я пела за парня — в дуэте с Леркой Леркой. Кедики выбирал между нами. Потом мы залезали в палатки, и он тайно приходил спать ко мне и обнимал меня всю ночь.

Когда мне надоедало ждать у *Копейки*, я медленно двигалась в сторону Лизиного дома. Боялась, что мы разминёмся, поэтому внимательно осматривала всех, кто шёл на другой стороне дороги.

Это всегда были родители и плачущие дети с ледянками. Они не хотели возвращаться с горок.

В другой песне со стены Лерки Лерки есть стук: *тук-тук-тук-тук*. Я воображала, что Кедики — мой парень, и я пришла за ним во время перемены. Постучалась в дверь кабинета английского и сказала ему:

You are my angel

Come from way above

To bring me love, to bring me love

Учительница, конечно, тоже это слышала и стыдилась, что вообще заставляла меня делать домашние задания — настолько безупречно я говорила на английском. Правда, я не знала, что такое above, и всегда забывала перевод слова bring, хотя помнила его неправильные формы. Но я точно была уверена в словах angel и love. Кедики выходил ко мне, и мы держались за руки. Лиза проходила мимо по коридору и махала нам, но я делала вид, что не заметила. А Лерка Лерка подсматривала за нами из класса — с завистью.

Я ждала Лизу у её подъезда и смотрела на то, как свежий снег покрывает надписи на стёклах уже заснеженных машин. Фантазировала, что мы с Кедиками расстались, и у меня разбито сердце. Возможно, причина нашего расставания — Лиза, но я так и не решила, это было не важно. Я плакала в гардеробе во время дискотеки: сидела на подоконнике между рядами с одеждой пятых и шестых классов и пыталась взять себя в руки, чтобы с поднятой головой двигаться дальше — в новые отношения с кем-нибудь другим. Наверное, с Йосей, если Лиза увела у меня Кедиков. Ко мне подсаживалась Лерка Лерка. Она не любила дискотеки — там было слишком много людей и музыка играла дурацкая. Лерка Лерка протягивала мне второй наушник. Я уже знала эту песню, потому что слушала её, когда ждала Лизу у подъезда, и Лерка Лерка радовалась этому. Это что-то значило. Я клала голову ей на плечо. Мы были совсем одни, и ещё долго нас никто не тревожил. Может даже целую ночь.

Наконец-то Лиза выходила. Она была в огромной маминой куртке, болоневых штанах и мужских зимних ботинках, которые явно были ей сильно велики. Её лоб закрывали шапка и капюшон, а нос и подбородок — гигантский шарф. Все эти вещи не сочетались между собой. Она, наверное, открывала гардероб и просто выбирала всё самое тёплое — и неважно, кому эта одежда принадлежала: ей, маме или отчиму. С собой у неё была ватрушка для катания с горки. Когда я снимала наушники, звуки улицы казались слишком непоследовательными и редкими. Теперь я слышала скрипение снега под ногами и свой реальный голос, который неприятно гремел из-за полного носа соплей.

Лиза не любила молчание. Она показывала в школе на подруг, которые стояли или шли молча, и говорила, что это несчастная дружба. Настоящим подругам есть о чём поговорить, и мы всегда были такими. Но у меня вместе с пальцами на ногах как будто замерзал и язык. Я ругала себя, что не придумала заранее темы для разговора. Каждый раз по пути к Лизе я была слишком занята

воображаемыми диалогами, чтобы подготовиться к реальному. Такими темпами она совсем перестанет ко мне выходить, думала я.

Нужно было всего лишь дотерпеть до горки. Там мы катались по очереди, поэтому разговаривать было невозможно. Мы пробирались через поле — по следам машин и квадроциклов — и выходили к берегу. Горки были самодельные: чей-то папа приносил вёдра с водой и выливал их на крутой берег пруда, чтобы склон стал ледяным. Обычно мы выбирали место, где поменьше людей, и толкали ватрушку друг для друга — как машину, которая заглохла. Одна из нас с визгом съезжала прямо на лёд, а другая смотрела. Целью было доехать до середины пруда — прямо до рыбаков, которые неподвижно сидели на складных стульчиках рядом с прорубями. За их спиной виднелась церковь, поэтому никто не боялся провалиться под лёд — мы были под защитой.

В тот день Лиза захотела пойти на самую страшную горку. Скорее всего, от скуки. Опасность этой горки заключалась в том, что она была не

прямая, а с трамплинами. В конце она вообще будто бы закручивалась вверх — и от этого ты могла улететь в одну сторону, а ледянка — в другую. Это требовало внимания и ловкости от катающихся. Ни того, ни другого у меня не было.

Лиза съехала первая. Она подпрыгнула трижды и умудрялась удерживать направление полета в воздухе. Это был идеальный прокат. В *Need for Speed* она бы получила максимальную репутацию.

Я сверилась с тем, что чувствовала по поводу этой горки. Это было похоже на то, что испытываешь, если трогаешь гору из одеяла в виде человека, а под ней никого не оказывается. Так и у меня: на месте, где я искала эмоцию, была пустота. Поэтому я плюхнулась в ватрушку, и Лиза изо всех сил спихнула её с горы. Я справилась с первым трамплином, удачно подпрыгнула и на втором. Но на третий — последний — у меня не осталось сил. Меня перевернуло на сто восемьдесят градусов, и во время полёта я на мгновение увидела Лизу. Потом она скрылась за ватрушкой, которая вылетела из-под меня.

Я упала на спину, очень больно ударилась копчиком и расплакалась. Надо мной склонился мужчина с криками: *Ты можешь встать? Ты можешь встать?* От этого я зарыдала ещё сильнее и стала даже немного подвывать. Я не знала, смогу ли я встать, и мне почему-то хотелось, чтобы не смогла.

ГЛАВА 18

Я попросилась у мамы не идти в школу — и не пошла. С удовольствием посмотрела серию сериала *H2O: просто добавь воды*. Русалок показывали во время, когда я обычно уже была на уроках.

По сюжету из-за изменения положения планет у героинь появились суперспособности. Теперь они были не просто русалками, а могли влиять на воду: греть её, замораживать или направлять. Вот только девушки не умели пользоваться новыми дарами. Так что Льюис доставал Клео. Парень русалки ходил за ней и её подругами и безуспешно помогал им научиться контролировать свои силы. Всё, что хотела Клео, — это побыть в одиночестве. В конце серии она объясняла Льюису, что она не в порядке. Сначала её родители развелись, потом она превратилась в *монстра*. Клео говорила Льюису, что вся эта проблема с силами касается только её, Эммы и Рикки. Она бросала парня.

На следующий день мама снова разрешила не идти в школу. По телевизору показали повтор серии,

которую я уже видела за день до этого. Рикки грела воду, но океан внезапно вспыхивал огнем, а надувная касатка сгорала. Эмма замораживала надувного пингвина. Он лопался, и лёд разлетался в стороны. Клео бесилась и сдувала Льюиса — так сильно он ей надоел. В финале она снова с ним расставалась.

На третий день мы пошли в поликлинику. Первая врачиха была похожа на зачарованную принцессу из игры для GameBoy. Её рыжие волосы были хорошо расчесаны, будто ей помогали их укладывать голубые птички и говорящие бурундуки. Она отбросила их за спину, чтобы не мешали, и локоны струились одним целым, как ржавая вода, вытекающая из шланга. К розовому халату она подобрала белый ободок — он напоминал лепестки сирени, упавшие с дерева в ручей на краю дороги. Поток унесёт их в гигантскую лужу.

Я легла на живот, и она положила мне на спину свою тёплую ладонь. Принцесса прописала мне рентген, но он ничего не показал. Пришлось идти на МРТ — исследование, которое стоило три с половиной тысячи рублей. Это семь маникюров или

четыре наращивания. Когда мы обходили больницу, чтобы зайти в помещение для МРТ, я замедлила шаг и тихо спросила маму, точно ли мне нужно это делать. Она поинтересовалась, болит ли у меня сейчас копчик. Я кивнула. Тогда надо выяснить, почему он болит. Мама не смотрела мне в глаза и шла так же быстро, как до этого.

Вторая врачиха была похожа на старшую сестру первой. Я сначала даже подумала, что это снова она, но её лицо не успело бы так сильно обветшать. Да и цвет волос у неё был другой. Корни — чёрные, а к низу рыжий становился не таким насыщенным. Вообще создавалось ощущение, что кончики своих волос она использовала как зубную щетку. Причём без пасты, потому что из её рта пахло кислятиной, когда она осматривала моё тело. Старшая сестра принцессы прописала физиотерапию.

Каждый день после школы мама водила меня на процедуры. Мне на копчик клали коричневую подушечку, её подключали к аппарату, а потом она начинала покалывать. Я знала, что мама обычно в это время работала и ей приходилось отказываться

от клиенток, чтобы сходить со мной в поликлинику. На мои переживания по этому поводу она отвечала, что у неё все равно *мёртвый сезон*. После физиотерапии мы никуда не торопились — заходили в булочную и покупали мне слойку с ветчиной и сыром. Снег таял, и наконец-то можно было не заматываться в шарф. Дома нас встречала тишина. И с каждым днём она задерживалась на подольше. Как и солнце за окном.

Третья врачиха была похожа на белку из *Ледникового периода*. На её лице красовалась огромная чёрная бородавка, из которой торчали три рыжих волоса. Один из её зубов никуда с лица не девался, даже если рот был закрыт. Все руки и шею покрывали красные шелушащиеся пятна. Когда она заговорила, мне захотелось заткнуть уши пальцами — настолько пискляво звучал её голос.

Хорошо, что мне не понадобилось поворачиваться к ней спиной. Врачихе не захотелось на неё смотреть. Белка сказала: проблема на лицо. У ребёнка склонность к ожирению. Поэтому копчик и болит — не выдерживает носить на себе столько килограммов. Она посоветовала ограничить мне

доступ к мучному и порекомендовала больше двигаться. Если продолжать сидеть возле компьютера, тогда не только копчик заболит. *Может и сердце отказать.*

По дороге домой мы не заглянули в булочную. Мы зашли в соседнее помещение, маленький бар. На входе всё это время висело объявление о поиске сотрудниц. За стойкой сказали, что нужно будет резать бутерброды, протирать столы и мыть посуду. Мама улыбалась и специально вела себя очень заинтересованно. А я так сильно хотела слойку с ветчиной и сыром, что была готова признаться: копчик меня уже очень давно не беспокоил.

ГЛАВА 19

Если не *болел* копчик, то мучил живот, раскалывалась голова, тошнило, двоилось в глазах. Когда мама не верила, после первого урока я заглядывала в медпункт. Температура всегда оказывалась чуть повышенной — от 37 до 37,5. Мне разрешали уйти домой.

Дома я первым делом с надеждой открывала холодильник. Теперь через день приходилось придерживаться монодиеты. Это значило, что с утра до вечера нужно было есть один и тот же продукт. Тётя Марина похудела на монодиете. Она ела только гречку, поэтому теперь я тоже ела только гречку — без соли, сахара, масла и молока. Если бы я могла выбирать, я бы целыми днями ела сыр.

В день, когда можно было есть разную еду, хлеб всё равно оставался под запретом. Одна из маминых клиенток отказалась от утренних бутербродов, *в мгновение ока* скинула десять килограммов и нашла мужчину.

На ночь нельзя было есть определённые продукты. Я пока только пыталась запомнить какие.

Спрашивала, можно ли доесть макароны. Мама вскидывала брови: в восемь вечера?! Это значило нет.

Одноклассница Вики — дочки моей крёстной — похудела, потому что её мама поставила замок на холодильник и выдавала дочери еду маленькими порциями. Теперь все мальчики захотели с ней встречаться. А раньше обзывали Глорией из *Мадагаскара*. Я представила толстую ржавую цепь и огромный замок, ключ от которого мама носила бы на груди.

Но всё было не так плохо. Чтобы меня мотивировать, мама покупала мороженое *Колибри*. Каждый вечер, часов в шесть, если до этого я ела только правильные продукты, можно было угоститься мороженым. Это был мой любимый момент дня. Бабушка говорила, что торты есть нельзя, а вот мороженое — ничего страшного. Это она в передаче услышала. *Колибри* был гигантским, у него был сытный рожок и даже шоколадный кончик.

Я чувствовала себя тростиночкой, пока лежала на диване перед телевизором и слышала, как у меня

урчал живот. Но когда подходила к зеркалу, тростиночка оказывалась шоколадной трубочкой. Я выглядела так, будто спереди под футболку надела рюкзак с шестью учебниками. Я представляла, что режу своё пузо на сосиски, и делала движение руками, как массажисты, которые бьют спину клиента ребром ладони.

* * *

Я поздравила Кедиков с днём рождения. Его день совпал с днём гречки. Я написала небольшое сообщение, когда он был онлайн. В конце добавила:

любви)

Кедики ответил:

спасибо)

Это была та же скобочка, которую я отправила ему вместе с любовью. Он вернул мне её. Словно улыбнулся в ответ и задержался на мне смеющимся взглядом. То *иди на хуй* было случайным, оно ко мне

никакого отношения не имело. Почти как когда мама кричала на меня, если у неё было плохое настроение.

В следующий день гречки я спросила Кедиков:

вы чё поссорились с Йосей?)

поч?

Кедики попался на удочку. Пока я была в центре его внимания, отправила заготовленное сообщение: они больше не ходят вместе по школьным коридорам, поэтому я и подумала — поругались. На самом деле я это выдумала. В школе меня видели последний раз на прошлой неделе, и я понятия не имела, что там происходит. Даже домашние задания не делала. Кедики ничего не ответил. Я рассказала ему о наших отношениях с Лизой. Соврала, что я больше не хочу дружить, и преувеличила то, насколько мы отдалились. Через несколько часов от Кедиков пришло сообщение:

мне похуй

На выходных я начала диалог с вопроса:

во что ты играешь?

Кедики ответил подробно:

кс, гта, л4д

Я поделилась с ним, что моя любимая игра — Need For Speed.

тож нрав

Я спросила, как его там зовут.

всм?

Я уточнила, что хочу знать, какой у него ник, чтобы понять, гоняли ли мы вместе. Кедики ничего не ответил.

Через пару дней мне в голову пришла гениальная идея.

как дела с Леркой Леркой?

Он ответил мгновенно:

всм?

Я спросила:

вы встр?

Он сказал:

не

Я поинтересовалась:

поч?

Он закрыл тему:

отъебись

Ещё через день я отправила ему это:

[illegible]

Кедики кинул меня в чёрный список.

В ту ночь мы с мамой поменялись местами. Она легла в моей комнате, а я — в её. Мне не спалось. План был такой: засунуть в себя палец как можно глубже. Но в итоге намного интереснее оказалось снаружи. Я ещё долго смотрела на дверь, на которой висел пододеяльник. Мой первый оргазм был похож на резко включенные фары, светящие прямо в лицо. Только от света этих фар во рту появлялся вкус мороженого *Колибри*.

ГЛАВА 20

В свой одиннадцатый день рождения я проснулась в восемь тридцать утра от звонка в домофон. Мама крикнула, что это ко мне. В коридоре разувалась Лиза.

Она принесла мне игрушку: коричневую лошадь с ещё более коричневым седлом. Мы пошли на кухню, и я поставила лошадь на стол между нами. Пока мама мыла клубнику, я попыталась понять этот подарок. Потом посмотрела на Лизу. Она улыбалась и скромно ждала, когда я возьму первую ягоду, чтобы тоже начать есть. Клубника была твёрдая и кислая. Лиза попробовала одну и больше не стала. Я съела всю тарелку.

Подруга предложила посмотреть фильм ужасов. Я пошла искать *Зеркала* на пиратских сайтах. Мама открыла в комнате окно нараспашку. Она всегда говорила, что в мой день рождения должно быть чистое голубое небо, и оно как будто слушалось. Мы с Лизой легли в постель и натянули одеяло до самых глаз. До самого конца нам было видно только

половину монитора. От этого жуткие сцены пугали в два раза меньше.

В этом фильме людьми управляли их отражения. Женщина разорвала себе рот, потому что так сделала её копия в зазеркалье. Я никогда не видела ничего более страшного. В то же время смерть выглядела такой лёгкой и эффектной. Как оторвать листик от ягоды. В ванной я захватила пальцами левой руки нижние зубы, а правой — верхние. Казалось, ещё вот-вот и получится прямо как в кино.

Коричневую лошадь я назвала Ауди Тэтэ. Уже после того как мама пожелала мне спокойной ночи, я взяла игрушку в кровать. От подушки всё ещё пахло Лизиными волосами. Мне не нравился этот запах. Я подумала, что так, наверное, пахнет машинное масло, и перевернула подушку. С лошадью было неудобно спать: её даже не обнимешь по-нормальному. Но мне всё равно хотелось, чтобы она была рядом. Я представила, что мы с ней выстраиваем отношения — как ковбой и мальчик в мультфильме *История игрушек*. И я никогда не

узнаю, что на самом деле тревожит Ауди Тэтэ. Может, она тоже расстраивается, что меня нельзя обнять. Я положила на неё руку.

На последней неделе учебы я сходила в школу все шесть дней подряд — впервые в этом полугодии. Мне стало стыдно, что Лиза учится, а я нет. После школы мы заглядывали ко мне. В понедельник смотрели *Пункт назначения*, во вторник — *Пункт назначения-2*, в среду — *Пилу*, в четверг — *Пилу-2*, в пятницу — *Пятницу 13-е*. В субботу мы пошли в кино на *Кошмар на улице Вязов*. В зале была вся школа: я ещё никогда не видела, чтобы все кресла были заняты. Мальчик сзади нас был Лизиным одноклассником. Он прошептал мне на ухо: слабо завизжать в самый напряжённый момент? Я хихикнула. Момент, когда он со мной заговорил, и был самым напряжённым.

Домой после фильма мы шли с Абу (девочкой, которая после душа засовывала в себя бритву), Ксюшей (она делала вид, будто я никогда не кричала на весь двор, что не хочу с ней гулять), и тем провокатором, Лизиным одноклассником. Его звали

Артём. Он позвал всех на день рождения вместо турслёта. Всё равно обещали дождь. Абу, Ксюша и Лиза были его одноклассниками, а со мной он разговаривал лицом к лицу впервые. Я пошутила, что тоже приду, раз он меня зовет вместе со всеми. Артём ничего на это не ответил. Он рассказал, что на его празднике будет Q-zag: мы будем стрелять друг по другу из лазеров. Когда за Артёмом приехали родители, Лиза сообщила, что он каждый день ходит в школу в одной и той же одежде. Вечером он добавил меня в друзья.

* * *

Лиза на день рождения Артёма не пошла. Ей больше хотелось победить пацанов в перетягивании каната на турслёте.

Артём помог мне застегнуть жилет со специальными детекторами и объяснил: они загораются красным, если в тебя попадают из лазерного ружья. Я планировала продержаться дольше всех и победить, но умирала каждый раз, когда выглядывала из-за столба. Приходилось ждать

тридцать секунд, чтобы жилет снова стал зелёным. Но как только я случайно попадала в мальчиков из команды Артёма, он хохотал и кричал: *Оля — киллер!* Хотя это и значило, что его команда проигрывала.

После Q-zag родители Артёма повезли нас к нему домой. Половина детей ехала в машине мамы, половина — в машине папы. Я выбрала второе. Всю дорогу Артём разгонял с отцом шутку про то, как круто мы затусим одни дома без родителей. Папа Артёма сказал, что слышал, как что-то гремело в одном из подарочных пакетов — наверняка там *спиртное*. Все засмеялись, как толпа за кадром сериала *Ханна Монтана*. Артём открыл пакет: внутри лежал пластиковый чемоданчик, а в нём — целый набор *бакуганов*. Мне стало стыдно за конверт с тремястами рублями, которые я еле выпросила у мамы. На улице начало темнеть. Пошёл дождь.

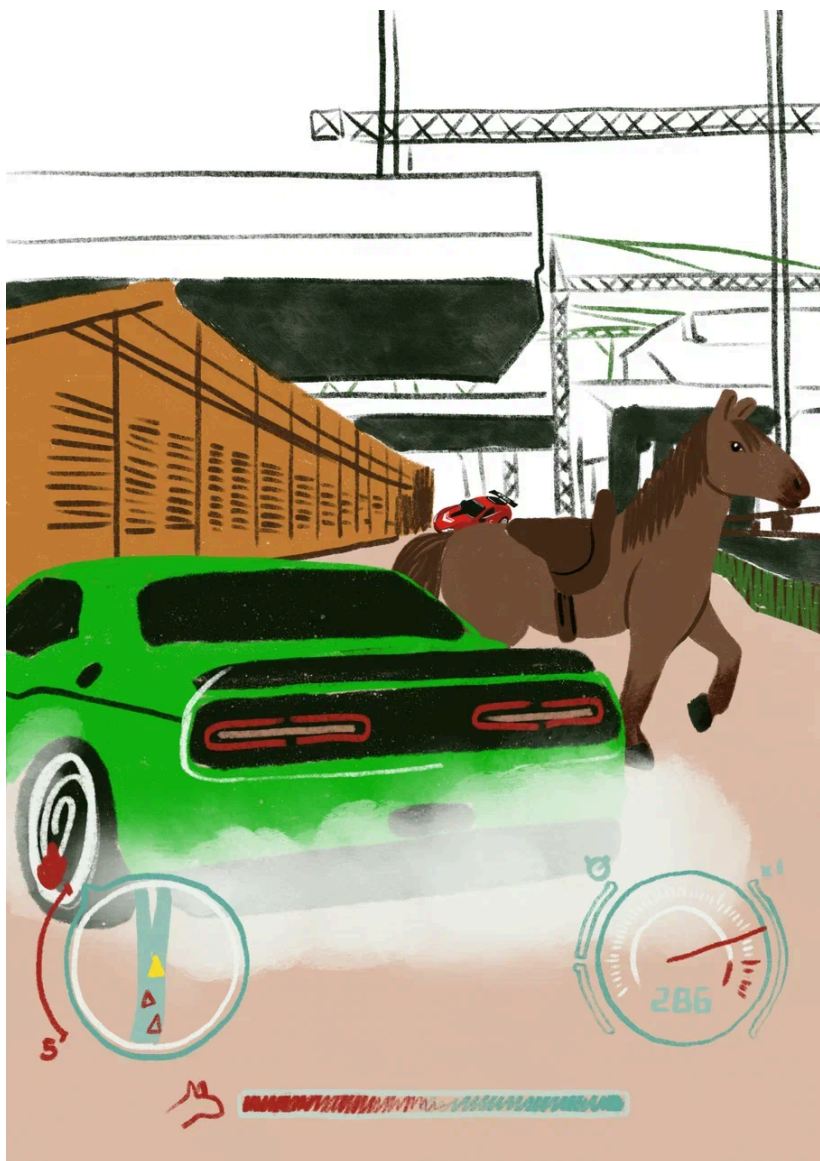
Комната Артёма напоминала игровую зону в кинотеатре. Не хватало только аэрохоккея — наверное, он занимал слишком много места и его увезли на дачу. Артём сказал: мы можем делать всё, что захотим. Например, поиграть в *Mortal Kombat* на

Sony PlayStation или в *Just Dance* на Nintendo Wii. Мне больше всего понравился игровой руль с педалями. Артём помог мне разобраться в том, как им пользоваться, а потом запустил на компьютере *Euro Truck Simulator*. Я выбрала фуру, которая больше всего была похожа на папину. Внутри кабины не хватало только вешалки, на которой висела бы бежевая рубашка с коротким рукавом. Игра оказалась очень весёлой: Артём громко смеялся каждый раз, когда я не могла вписаться в поворот и врезалась в другие машины. Он клал свою горячую руку на мою и помогал выруливать. Иногда Артём обходил гостей и узнавал, все ли развлекаются, съели ли они по второму и третьему куску пиццы, не нужно ли достать настольные игры. Потом он возвращался ко мне.

Я рассматривала Артёма. У него было мало волос: они кучковались только там, где чёлка. А ещё немножко срасталась бровь, но все как будто сговорились это не замечать. Он действительно был в той же одежде, как и в тот день, когда мы смотрели *Кошмар на улице Вязов*. Во время очередного Артёминого обхода я написала Лизе эсэмэску. Она

ответила, что мама забрала её с турслета — не разрешила спать в палатке из-за непогоды. Я спросила, не хочет ли она ко мне на ночёвку.

Через час мы уже рылись в моём комоде, чтобы найти Лизе подходящую домашнюю одежду. Она выбрала кислотно-зелёные бриджи, футболку с хомяком и надписью *belly* и розовую рубашку, которая досталась мне от троюродной сестры и была мала и мне, и Лизе. Я последовала примеру и выбрала одежду, которую никогда не надела бы для сна: свитер с блестящими короткими рукавами — я в нём ходила на дискотеку — и обтягивающие джинсы. Тридцать минут мы лежали в кровати: делали вид, что уже уснули, но не выдерживали и начинали смеяться. На смех пришла сонная мама. Она ахнула, когда увидела наши наряды, и заставила переодеться. В майках и шортах спать тем более не хотелось, и мы проболтали до шести утра.

ГЛАВА 21

Тем летом мама не выбирала: сделать ремонт в ванной или поехать на море. Денег не было ни на то, ни на другое. Но в турагентстве она узнала: можно поехать в отпуск в рассрочку. Это значит, что сначала отдыхаешь, потом платишь. Маме это очень подходило. Ей не хватало терпения накопить на море. Всё портили неожиданные траты: то я заболею, то порвутся босоножки. Другое дело — если вы уже съездили. Тут без вариантов, придётся платить за это каждый месяц. Мама всё посчитала на калькуляторе и записала результаты на последней странице моей тетрадки по истории. Мы полетели на море на четыре дня.

В самолёте я читала *Алые паруса*. Я ещё не успела понять, почему паруса были алые и о чём вообще эта книга, когда мама спросила, как я понимаю смысл произведения. Я пожала плечами. Она сделала такое лицо, как будто так и думала, что я не догадаюсь. Мама не любила читать ничего, кроме книг про фен-шуй от Натальи Правдиной. Я даже не

знала, что она читала про паруса. Мама сказала, что эта книга похожа на *Секс в большом городе*. Слово секс мама произнесла шёпотом.

Мы ходили в кино на вторую часть прямо перед нашим отъездом. На кассе сказали, что фильм нельзя смотреть детям младше шестнадцати лет. Но мама пообещала, что закроет мне глаза, и девушки на кассе переглянулись и захихикали. Она сдержала своё обещание. На свадьбе друга Шарлотты с другом Кэрри Саманта встретила симпатичного парня, с которым сразу же занялась сексом. Они были полностью голые, и я успела увидеть мужскую попу перед тем, как мама накрыла мои глаза рукой. Это единственное, что я запомнила.

Пока мы летели, мама рассказала: весь *Секс в большом городе* был о том, что Кэрри хотела выйти замуж за Бига, и в конце её желание исполнилось. Точно так же и героиня книги *Алые паруса* дождалась, и её возлюбленный пришёл на корабле с алыми парусами. Мама не говорила *приплыл*, потому что работала на круизных лайнерах и, по её словам, *плавало только говно*.

Мама сказала: она тоже долго ждала, когда можно будет поехать со мной на море. Стояла аномальная жара, и она задыхалась от лета в городе. Казалось, что ничего нельзя сделать, но потом всё раз — и получилось, мы уже в самолёте. Она хотела ещё что-то добавить, но не стала и грустно улыбнулась. Мечты сбываются, — вот о чём книга *Алые паруса*, — сказала она. После этого мама разрешила мне съесть булочку с маслом, которую раздали бортпроводницы, потому что калории в воздухе не считаются.

Ещё в автобусе, по пути в отель из аэропорта, у меня заболела голова и мне захотелось спать. Я сказала маме, что у меня температура. Она ответила *нет, не может такого быть* и отвернулась. Когда я закрыла глаза и прислонила голову к окну — это было не очень удобно, потому что из-за тряски я всё время билась виском о стекло — мама прикоснулась к моему лбу ладонью. Она ничего не сказала. Я повернулась и заметила, что её щеки обвисли, — так всегда происходило, когда у неё портилось настроение.

В номере я первым делом залезла под одеяло. Мама попыталась его содрать, потому что *жара на дворе*. Но я тряслась от холода. Она сказала, что я должна повторять *я здорова, я здорова, я здорова* пятьдесят раз. У нас всего четыре дня, чтобы отдохнуть. Если я скажу волшебные слова достаточно много раз, вечером мне станет легче.

Мама ушла на море. Когда она вернулась, я чувствовала себя только хуже. Вместо того чтобы пойти в душ, она взяла маленькую сумочку для денег и поскакала в аптеку.

Я выпила таблетку. Мама вышла на балкон и оттуда смотрела, как приглашённые артисты танцуют сиртаки для ужинающих гостей. Я спросила, почему она не пойдёт к ним. Мама ответила, что у неё пропал аппетит. Я вытерла слёзы о подушку и продолжила повторять заклинание на здоровье.

На второй день к вечеру мне действительно полегчало. Мама предложила поехать на экскурсию, потому что мы должны *что-нибудь* посмотреть, тогда этот отпуск мне хоть *как-то* запомнится. Утром мы отправились на пляж Афродиты. В автобусе у меня

кружилась голова. Я еле сдерживалась, чтобы не заплакать от желания вернуться в номер. Но мне нужно было делать вид, что всё нормально, и так хотя бы немного оправдать рассрочку, которую мама будет платить ещё шесть месяцев. Экскурсовод сказала в шуршащий микрофон, что Афродита — богиня любви, и тот, кто найдёт камень в виде сердечка на пляже, встретит любовь всей жизни. Мама заёрзала в кресле от возбуждения. Но это было ещё не всё. Если проплывёшь три раза вокруг большого камня, то обретёшь вечную красоту. Оба испытания и призы за них меня устроили. Я как раз больше не хотела лишний раз общаться с мальчиками. Выйти замуж раз и навсегда — идеальный вариант. Также я надеялась, что в вечную красоту входил дар есть и не толстеть.

Плыть было тяжелее, чем я думала. Не хватало сил держаться на поверхности воды, и море заливалось в рот. Когда я вышла на пляж, мама уже рыла третью яму. Поняла, что сил искать камень у меня нет, села на берегу и решила, что с вечной красотой и так наверняка встречу любовь всей жизни. Я взяла горку камней и стала кидать их по одному в

море. Если сконцентрироваться на всплеске, то как будто даже и не болею. Когда в ладони остался последний камушек, я остановила руку в воздухе и решила на него взглянуть. Это был розовато-бежевый камень в виде кривого сердечка. Я помахала маме, и она выхватила его у меня из рук. Она сказала, что никогда не сомневалась — я точно встречу *достойного мужчину*, и положила камень в маленькую сумочку для денег. *На сохранение.*

На обратном пути у меня заныли кости в руках и ногах, стало сложно открывать глаза и закрывать рот. Я не могла уснуть, потому что всё тело болело, и каждые несколько минут поглядывала на часы. Автобус остановился. Когда я попыталась встать, мама сказала, что мы ещё не приехали. Наш автобус сломался.

Мы стояли десять минут, двадцать минут, сорок минут, полтора часа. Все вышли на улицу. Я смотрела в окно, как похорошевшие после пляжа Афродиты туристы курили в темноте. Мама ссорилась с водителем. Я слышала, как она говорила ему, что у неё больной ребёнок, что нужно как-то всё это

поскорее решить, потому что мне нужно в постель. Водитель не понимал по-русски и только разводил руками. Мама повернулась к дедушке с седой бородой и подытожила: *ёбстудей*. Тот спокойно уточнил на английском у водителя всё, что хотела узнать моя мама, и пересказал это ей. Она вернулась в автобус вместе с ним. Он спросил, нужны ли мне какие-нибудь таблетки, может быть, жаропонижающее. Я выпила лекарство и уснула. Проснулась, когда мы уже приехали.

Оказалось, что седой мужчина с таблетками отдыхал с нами в одном отеле. Пока мы поднимались на лифте, мама разговаривала с ним о Владивостоке. Александр служил на подводной лодке. Они пытались выяснить, есть ли у них общие знакомые-моряки, и на прощание обнялись.

Последний день мы провели в бассейне. Александр не любил плавать в море. Он назвал это *профессиональной деформацией*. Мама ненавидела бассейны, и, мне кажется, это был первый раз, когда я видела её в воде на фоне плитки. Я положила под

живот надувную подушку, и она держала меня на плаву, пока сгорала спина.

Александр оказался не таким уж и дедушкой. Он был даже младше моей мамы. Мужчина несколько раз назвал свой возраст — видимо, чтобы мама тоже поделилась своим, но она в ответ только улыбалась. Он работал в школе учителем ОБЖ. У него было двое детей и одна внучка. Сын нырял рядом со мной в том же бассейне. Мальчик сказал, что тоже мечтает стать учителем и хочет зарабатывать сорок тысяч рублей в месяц. Я попросила его не разговаривать со мной. Он вылез из бассейна, лёг на шезлонг и достал папин телефон, чтобы в него поиграть. Я удивилась: сын Александра был примерно одного со мной возраста, но разговаривал как маленький и был весь такой надутый и лоснящийся, как младенец из *Унесённых призраками*.

По дороге домой мама была добрая. Она не ругалась, что я забыла надувную подушку на балконе в отеле, и даже разрешила мне купить чай в аэропорту. Мы ещё не успели пойти на посадку, когда ей позвонил Александр. Они разговаривали до самой

последней секунды, пока самолёт не выехал на взлётную полосу.

ГЛАВА 22

Из аэропорта мы приехали на вокзал. Я подумала: мама всё перепутала и привезла нас не туда. Но потом поняла — просто на улице высоких домов не было видно. Так случилось из-за смога. Мама объяснила, что из-за жары горят торфяники — в одном из районов России было аж сорок пять градусов.

Многие прохожие были в масках или закрывали лицо платками. Один бездомный даже раздобыл противогаз. Пахло странно — а от того, что все прятали рты и носы, казалось, будто с каждым вдохом я отравляю один сантиметр лёгких, и они становятся чёрными, как у курильщика.

В вагоне было мало людей, а вместо видов — серо-коричневый туман. Только треть меня верила, что мы действительно доедем до дома на этой электричке. Остальная часть готовилась к тому, что мы приедем на помойку из мультфильма про Котопса. Выхода оттуда нет: вокруг безостановочно будут ездить машины. Нам придётся состариться среди

мусора — построить шалаш, страдать от жажды и голода до самой смерти. Мама будет кричать на водителей и безуспешно просить их остановиться или кинуть нам остатки еды.

Но час спустя мы приехали в наш город. Я всматривалась в улицы и пыталась удостовериться, точно ли всё на своих местах. Вроде бы ничего странного я не заметила. Только наша кошка волшебным образом успела потолстеть за четыре дня, проведённые с бабушкой.

* * *

Лиза всё лето оставалась на даче недалеко от нашего дома, и мама разрешила мне пойти к ней. Последнюю неделю подруга провела за просмотром первого сезона *Сверхъестественного*, который отчим скачал для неё на ноутбук. Она посмотрела сериал за два дня, а потом пересмотрела от начала до конца ещё раз. Лиза успела выучить наизусть несколько диалогов из первых серий и продемонстрировала это, когда мы начали смотреть сезон вместе. Подруга сказала, что она — Дин, а я —

Сэм. У нас с Сэмом даже причёски похожи. Меня очень неудачно постригли перед отпуском.

У Лизы была идеальная дача: большая закрытая веранда, два этажа с кучей мест, где можно расположиться с книжкой или ноутбуком. Снаружи — большая территория с газоном, по которому можно бегать, беседкой и даже качелями-весами. Правда, раскачивались они не как обычно: крутились, как карусель. Из-за этого было непонятно, кто из нас больше весит. Но Лизу ничего на даче не радовало — она умирала со скуки.

Лиза обязательно бы придумала игру, чтобы меня развлечь. Я решила попробовать один день побыть ей. Так что предложила сыграть в прятки.

Лиза спряталась в кладовке на втором этаже. Когда я открыла дверь, она сидела на велотренажере и крутила педали. Я спряталась за домом — Лиза нашла меня с первой попытки. Она сказала, что любит здесь писать. Мы сели и пописали. Игра в прятки не задалась.

Тогда меня осенило. Лиза никуда не выходила с территории дачи уже много дней, а именно это ей и

было нужно. Так сказала бы моя мама. Я спросила, не хочет ли Лиза сходить к озеру. Она воодушевилась и закивала. Я всё правильно придумала.

Деревенская улица была пустая и тихая, даже собаки не лаяли. Только электрические столбы жужжали и Лиза рассказывала, почему актёр, который играет Дина Винчестера, подходит и на роль её мужа.

Моя любимая часть взаимодействия с любым водоёмом — это момент, когда я впервые вижу его издалека. Озеро стало просвечивать через деревья задолго до того, как мы вышли к берегу. Но в этот раз вид вблизи впечатлил меня сильнее. Над поверхностью озера стояла грязная пелена, а другой берег не было видно из-за тумана.

Вода несколько раз громко булькнула. Лиза посмотрела на меня. Я попросила её не переживать: это же водяные жуки. Подруга недоверчиво скорчила лицо. *Какие ещё жуки?* Пришлось напомнить ей одну из историй, которую мы рассказывали про маникюрные икринки: из них вылуплялись водяные жуки, и если малыши хорошо кушали, они вырастали до размера крокодила. В определённый момент жуков

надо было выпустить в озеро, чтобы они жили в соответствующем их размеру водоёме. Я показала рукой в сторону бульканья и сказала: *дети так быстро растут.*

Лиза как всегда поддержала игру. Мы перечислили варианты того, чем питаются водяные жуки. Первое. Всеми людьми, которые нас бесят. Они едят Ксюшу и её маму, девочку с мелированием с моего двора, всех учительниц, одноклассницу Йоси, которая, по Лизиной догадке, ему нравится, Лерку Лерку. Я не хотела отдавать Лерку Лерку водяным жукам, но по всем правилам она, к сожалению, становилась кормом. Второе. Водяные жуки питались всеми, кто решался прийти к озеру во время смога. Именно поэтому нет никого вокруг — их съели.

Лиза спросила: а нами они питаются? Я замотала головой. Мы меняли им воду и выносили их на прогулку, когда они ещё были икринками и под стол пешком закатывались. Мы для них как матери — а мам не едят. Лиза скинула сланцы, сняла шорты и футболку. Оглянулась, быстро стянула трусы и вбежала в воду. Я с открытым ртом смотрела, как

озеро поглотило Лизину голую попу со смешной родинкой на левом полупопии. Она помахала и брызнула в мою сторону водой. Я разделась, и, прикрываясь одной рукой спереди, а другой сзади, медленно зашла в воду. Она была тёплая, и казалась мне отравленной, потому что я не видела дно. Я старалась об этом не думать и двигалась к Лизиной голове. Подруга погрузила половину лица в озеро и улыбнулась мне. Я сделала то же самое и вдруг завизжала. Что-то дотронулось до моей ноги.

Лиза попросила меня не переживать. Это её русалочий хвост. Она мне не рассказывала, но она на самом деле русалка, и от соприкосновения с водой у неё вырастает хвост.

Я так обрадовалась. Вот это совпадение! Я тоже русалка, и у меня тоже от воды вырастает хвост. Его не видно, потому что озеро мутное, но он на самом деле только что вырос. Лиза закивала: её хвост тоже тут, в глубине. Я поделилась секретом про подставную маму, которая увезла меня далеко от моря, чтобы я не смогла от неё уплыть к своим настоящим родственникам-русалкам.

Лиза показала в сторону дальнего берега, которого не было видно. Мы в море, мы русалки, наши дети — водяные жуки — с нами.

Можем уплыть сегодня, если захотим.

БЛАГОДАРНОСТИ

... а потом они двенадцать часов дрались на топорах! Если вы понимаете, о чём речь, значит вы читаете телеграм-канал *нутелла крипивина*. Спасибо вам большое за то, что остаётесь со мной и поддерживаете моё творчество.

Хочу поблагодарить мою любимую писательницу, редакторку, продюсерку и жену — Катю Ненахову. За все помощь и поддержку, которые она мне оказала за время написания этой книги, я буду обязана делать ей массаж ног каждый день до скончания веков.

Спасибо Ане Крыловой, которая сделала отдельный канал в телеграме, чтобы рассказывать о том, как ей понравилась эта книга, и гениально визуализировала мой текст.

Отправляю бесконечно много любви сообществу пишущих женщин* Write Like a Grrrl. Существование WLAG излечило мою израненную творческим вузом душу.

Передаю привет всем писательницам, которые нашли отсылки на себя в этой книге. Я вас люблю, вы меня вдохновляете, пишите, пожалуйста, ещё.

Ну и, конечно, спасибо Дадуске — за детство, дружбу и лазерный луч.

Моей жене Кате Ненаховой.....	4
Заставка игры Need For Speed: Undercover.....	5
ГЛАВА 1.....	6
ГЛАВА 2.....	9
ГЛАВА 3.....	15
ГЛАВА 4.....	35
ГЛАВА 5.....	44
ГЛАВА 6.....	48
ГЛАВА 7.....	53
ГЛАВА 8.....	60
ГЛАВА 9.....	71
ГЛАВА 10.....	80
ГЛАВА 11.....	87
ГЛАВА 12.....	93
ГЛАВА 13.....	98
ГЛАВА 14.....	101
ГЛАВА 15.....	106
ГЛАВА 16.....	117
ГЛАВА 17.....	124
ГЛАВА 18.....	135
ГЛАВА 19.....	141
ГЛАВА 20.....	148
ГЛАВА 21.....	155
ГЛАВА 22.....	164
БЛАГОДАРНОСТИ.....	171